

WILSON
ANNEX

DK254

.K3

V44

1917

c.1

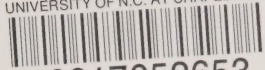
В. В—ІЙ

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

ПЕТРОГРАДЪ

Издательство „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ“

1917.

В. В—ІЙ

Wilson Annex

DK254

ee
c K3

V44

1917

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ

A. F. KERENSKII

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ“
1917

А Ф. КЕРЕНСКИЙ.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ.

Очеркъ В. В — аго.

...„Его, какъ первую любовь,
„Россіи сердце не забудеть“ *).

Кому неизвѣстно теперь имя Александра Федоровича Керенскаго — перваго гражданина свободной Россіи, перваго народнаго трибуна-соціалиста, перваго народнаго министра юстиціи, министра правды и справедливости?

Изо дня въ день пишутъ теперь объ А. Ф. Керенскомъ въ газетахъ и журналахъ всего міра; десятки привѣтственныхъ телеграммъ летятъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи и Европы; сотни депутацій отъ русскихъ и иностранцевъ привѣтствуютъ въ его лицѣ революціонный русскій народъ, создавшій „улыбающуюся“, справедливую, благородную революцію; тысячи людей несутъ къ нему и радость своихъ нынѣшнихъ свободныхъ настроеній и неизжитую еще печаль былой своей рабской жизни.

Словомъ, нѣтъ теперь популярнѣе человека, нѣтъ извѣстнѣе имени Александра Федоровича Керенскаго. Оно стало и у насъ и за границей какъ бы благороднымъ символомъ благородной Великой Русской Революціи.

Почему же такъ? Почему всѣ сердца тянутся именно къ Керенскому? Почему все вниманіе приковано именно къ его словамъ и дѣйствіямъ? Почему пылкое сердце Великой Русской Революціи именно его, А. Ф. Керенскаго, сдѣлало своей первой, никогда не забываемой любовью?

Объ этомъ я и хочу сейчасъ разсказать.

*) Съ такимъ эпиграфомъ вышелъ журналъ „Республика“, первый номеръ котораго былъ посвященъ А. Ф. Керенскому. Прим. авт.

I.

ДѢТСКІЕ И ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ А. Ф. КЕРЕНСКАГО

А. Ф. Керенскій родился на Волгѣ, въ г. Симбирскѣ, въ памятный для Россіи 1881 годъ. Отецъ его, Федоръ Михайловичъ, былъ директоромъ Симбирской гимназіи.

Первый вздохъ А. Ф. Керенскаго (онъ родился 22-го апрѣля) почти совпалъ съ послѣднимъ вздохомъ великихъ борцовъ за свободу Россіи — народовольцевъ Софьи Перовской, Андрея Желябова, Тимоѣея Михайлова, Кибальчича и Рысакова, задушенныхъ по приказанію Александра III на Семеновской площади.

Первыя его дѣтскія движенія, первый его дѣтскій лепетъ почти совпали съ послѣднимъ движеніемъ, съ послѣднимъ лепетомъ испуганной Россіи.

Послѣ казни народовольцами Александра II, обagrившаго свои руки въ крови десятковъ революціонеровъ, Россія вздохнула-было посвободиѣ, но скоро опять была крѣпко скручена по рукамъ и по ногамъ, опять ее казнили „посредствомъ удушенія и урѣзанія языка“, какъ говорили въ старину.

Первыя дѣтскія воспоминанія А. Ф. Керенскаго, — тогда еще шестилѣтняго ребенка, — это, по его словамъ, смутныя воспоминанія о тихомъ ужасѣ, охватившемъ Симбирскъ, когда тамъ узнали о казни сына мѣстнаго директора народныхъ училищъ, студента Александра Ильича Ульянова (родного брата нашего „пломбированнаго“ Н. Ленина) за участіе его въ попыткѣ послѣднихъ народовольцевъ казнить (1-го марта 1887 года) царя Александра III, тогда уже окончательно придавившаго всей слоновою тяжестью своего самодержавія несчастную Россію.

Эти первыя дѣтскія впечатлѣнія, глубоко врѣзавшіяся въ память, не могли не повліять на будущій складъ характера и убѣжденій А. Ф. Керенскаго.

Въ 1889 году отецъ А. Ф. Керенскаго былъ переведенъ изъ Симбирска въ Ташкентъ. Вмѣстѣ съ нимъ переѣхалъ туда и „Саша Керенскій“, — какъ звали его товарищи по

Ташкентской гимназіи. Эта ласкательная кличка школяровъ говоритъ лучше всякихъ длинныхъ описаній о томъ, какъ любили и цѣнили А. Ф. его гимназическіе сотоварищи. И въ дѣтскихъ шалостяхъ и проказахъ, и въ „военныхъ дѣйствіяхъ“ противъ нелюбимыхъ или смѣшныхъ учителей, въ родѣ „француза Эмиль Ивановича“, и въ совмѣстномъ чтеніи въ кружкахъ саморазвитія — вездѣ, во всемъ и всегда онъ былъ для своихъ сверстниковъ — „Сашей Керенскимъ“.

Въ 1899 г. А. Ф. окончилъ Ташкентскую гимназію и поступилъ въ Петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ.

1899—1900 годы были переломными въ жизни нашей родины. Вторая голодовка, охватившая восточную часть Россіи, революціонизировала русскую интеллигенцію и ребромъ поставила передъ нею вопросъ объ эволюціи и революціи.

Послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка протекло подъ знакомъ культурно-просвѣтительной работы для народа. Народныя книжки, народныя газеты, народныя чтенія, народные театры, даже народныя оперы — вотъ линія, по которой шла тогда работа легальной русской интеллигенціи, особенно русской молодежи.

Политическая, нелегальная работа протекала по такимъ путямъ: „Группа Освобожденія Труда“ Г. В. Плеханова, Аксельрода и Вѣры Засуличъ; организація, при содѣйствіи Н. Ленина, россійской соціально-демократической партіи; организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ, при горячемъ и дѣятельномъ участіи Гершуни и „Бабушки русской революціи“ Е. К. Брешко-Брешковской.

Оба эти нелегальныя политическія теченія пробились и на ледяную поверхность русской легальной общественной жизни въ видѣ легальнаго литературнаго марксизма Петра Струве, Богучарскаго, Яковлева и др. („Новое Слово“ и „Начало“) и легальнаго народничества Н. К. Михайловскаго, В. Г. Короленко, В. В. (Воронцова) и др. („Русское Богатство“).

Легальная литературная борьба двухъ основныхъ политическихъ теченій, будируя молодежь, также разбивала ихъ на два политическихъ лагеря.

И въ то время, какъ русскіе либералы, съ многочисленными своими органами печати, еще утверждались на культурно-просвѣтительной программѣ, лишь „безсмысленно мечтая“ о конституціи, — социалистическая молодежь уже прокладывала новые пути въ гущу народной жизни, въ рабочую и крестьянскую среду.

Рабочіе кружки, — сначала „экономистовъ“, а потомъ и „политиковъ“; крестьянскіе кружки, — сначала „соціально-просвѣтительные“, а потомъ „политически-революціонные“, кружки „народоправцевъ“ среди революціонно настроенной интеллигенціи, — вотъ первые протоки и ручьи нелегальной революціонной работы въ Россіи въ концѣ прошлаго вѣка.

Среди этихъ политическихъ теченій общественной и народной мысли и складывались политическія убѣжденія будущаго „перваго гражданина свободной Россіи“—А. Ф. Керенскаго.

Любовь къ народу, обездоленному трудовому русскому народу, все росла и ширилась въ честной груди Керенскаго. Любовь эта и толкнула его къ партіи наиболѣе близкой къ народу, къ крестьянству и рабочимъ, къ партіи, написавшей на своемъ знамени: „Земля и воля всему трудовому народу. Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ — къ партіи социалистовъ-революціонеровъ.

Къ 1904 году, — къ году окончанія А. Ф. Керенскимъ юридическаго факультета Петербургскаго университета, — партія социалистовъ-революціонеровъ уже окончательно сложилась и уже выдѣлила изъ своей среды политическихъ героев-мучениковъ Карповича, Балмашова, Егора Сазонова и др. Герои возложили на свои плечи тяжелую ношу освобожденія родины отъ царскихъ опричниковъ, тирановъ народа, министра Боголѣдова, Сипягина, Плеве.

II.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІИ 1905—1906 гг.

По окончаніи университета А. Ф. цѣликомъ ушелъ въ общественную и политическую работу.

Къ этому времени партія социалистовъ-революціонеровъ имѣла въ Петербургѣ уже прочныя организациі. Съ одной

изъ этихъ организацій и соприкоснулся А. Ф., вскорѣ поплатившись за это арестомъ и тюрьмой.

А событія между тѣмъ развивались. Послѣ казни социалистами-революціонерами В. К. Плеве (15-го іюля 1904 г.) и великаго князя Сергѣя Александровича (5-го февраля 1905 г.), правительство пошло на уступки. Появился манифестъ 18-го февраля 1905 г. о привлеченіи къ государственному управленію „людей, облеченныхъ довѣріемъ народа“. 6-го августа было опубликовано объ учрежденіи законосовѣщательной, такъ называемой „Булыгинской“ Думы, не удовлетворившей ни одного изъ классовъ населенія. Революціонный порывъ перешелъ въ революціонный взрывъ и закончился 17-мъ октября, „дарованіемъ“ конституціи—свободъ и законодательной Думы.

27-го апрѣля и собралась первая Государственная Дума,—эта Дума „народнаго гнѣва“. Народъ встрѣтился наконецъ съ правительствомъ и высказалъ ему прямо и открыто свои думы о землѣ и волѣ.

Въ отвѣтъ на это царь и его правительство разогнали первую Государственную Думу.

Созывъ второй Государственной Думы былъ назначенъ на февраль 1907 года.

Всѣ политическія партіи, вплоть уже сложившіяся къ этому времени, спѣшно стали готовиться ко второй Думѣ.

А. Ф. также принялъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ къ выборамъ во вторую Государственную Думу. Въ это время партія социалистовъ-революціонеровъ уже отказалась отъ мысли „бойкотировать“ Думу и высказалась за „вхожденіе“ въ нее для пропаганды Учредительнаго Собранія „изнутри“.

Въ Петербургѣ образовался кружокъ „Земли и Воли“, также занявшійся дѣломъ подготовки выборовъ эсъ-эровъ во вторую Государственную Думу.

Въ этой-то организаціи А. Ф. и проявилъ себя горячимъ и дѣятельнымъ членомъ. Какъ сейчасъ помню его молодую, тонкую фигуру—свѣтскую, подвижную, всегда горѣвшую внутреннимъ огнемъ. Про него тогда говорили: „весь—впередъ и съ открытою грудью“. Его бурныя рѣчи всегда горѣли ог-

немъ чувства; его характеристики текущаго политическаго момента всегда удивляли своею мѣткостью и чуткостью; его тактическія предложенія всегда носили на себѣ отпечатокъ государственной мудрости.

III.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ ВО ВРЕМЯ РЕАКЦИИ.

Сгорѣла и вторая Государственная Дума на огнѣ реакціи и провокаціи. Многіе изъ партій социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ пошли въ тюрьмы, на поселеніе, на каторгу, на висѣлицу.

3-го іюня 1907 года былъ опубликованъ новый избирательный законъ, создавшій третью, „господскую“, Государственную Думу.

Реакція свирѣпствовала. Чиновничество мстило народу и его друзьямъ за свое недавнее пораженіе. И мстило жестоко. Суды были завалены политическими дѣлами; тюрьмы были забиты арестованными; на поселеніе и на каторгу тащились длинные поѣзда; палачи не успѣвали вѣшать.

А. Ф. сталъ на защиту своихъ политическихъ друзей. Приписавшись къ одному изъ извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ для прохожденія стажу и занявшись было чисто-юридической работой,—которая пошла у него такъ успѣшно, что обѣщала впослѣдствіи очень видное мѣсто въ адвокатурѣ,—онъ не выдерживаетъ и бросается въ защиту политическихъ, безъ различія партій, но чаще всего эсъ-эровъ.

Изъ многихъ большихъ политическихъ процессовъ времени реакціи, въ которыхъ блестяще выступалъ А. Ф. Керенскій, въ общественной памяти особенно остался процессъ „Дашнакцутюновъ“ (близкая къ партіи эсъ-эровъ социалистическая армянская партія,—процессъ, какъ извѣстно, сфабрикованный царскими слѣдователями и судьями на основаніи ложныхъ документовъ).

Когда въ 1913 году начался пресловутый процессъ Бейлиса, А. Ф. Керенскій предложилъ адвокатурѣ высказаться по этому дѣлу и за вынесенную резолюцію протеста былъ приговоренъ правительствомъ къ мѣсяцу тюрьмы.

Однако правительству не удалось на этотъ разъ запря-
тать А. Ф. въ тюрьму, такъ какъ онъ въ это время былъ
уже членомъ четвертой Государственной Думы.

Разстрѣлъ рабочихъ на Ленскихъ золотыхъ приискахъ
Ленскаго Товарищества вызвалъ въ душѣ А. Ф. такую боль,
что онъ рѣшилъ самъ поѣхать на Лену и разслѣдовать все
дѣло. Результатъ своихъ разслѣдованій онъ не только изло-
жилъ въ Государственной Думѣ, но и издалъ отдѣльной
брошюрой „Правду о Ленѣ“, которая, конечно, была тотчасъ
же конфискована правительствомъ.

Макаровское „такъ было, такъ будетъ“ относилось не
только къ ленскимъ событіямъ и не только къ „правдѣ о
Ленѣ“, но ко всякой правдѣ о царскихъ палачахъ большихъ
и маленькихъ.

IV.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ—ДЕПУТАТЪ

Ко времени выборовъ въ четвертую Государственную Думу,
къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ, социалистическія поли-
тическія партіи почти совсѣмъ сошли со сцены. Члены ихъ
были „распылены“: кто томился въ каторгѣ, въ тюрьмахъ
и на поселеніи; кто бѣжалъ за границу; кто забился въ свои
житейскія мурьи и ушелъ въ будничную работу.

Партія социалистовъ-революціонеровъ, какъ самая страш-
ная для правительства, подверглась наибольшему разгрому.
Правительство постаралось воткнуть ножъ въ самое ея
сердце. То, чего не могли сдѣлать царскіе палачи, додѣлали
царскіе шпіоны—Азефъ и азефчики.

Итти въ четвертую Государственную Думу подѣ флагомъ
социалистовъ-революціонеровъ было, конечно, невозможно.
Приходилось законспирировать, окраситься снаружи въ за-
щитный цвѣтъ.

Этимъ защитнымъ цвѣтомъ и стало названіе „трудовики“,
„Трудовая Группа“. Трудовая Группа сыграла роль защит-
наго цвѣта и въ первой Государственной Думѣ для тѣхъ со-
ціалистовъ-революціонеровъ, которые не пожелали подчи-
ниться партійной дисциплинѣ въ вопросѣ о „бойкотѣ“ первой

Государственной Думы („бойкотъ“ первой Государственной Думы былъ объявленъ партіей социалистовъ-революціонеровъ потому, что партія считала необходимымъ не созывъ Думы, а созывъ Учредительнаго Собранія). Теперь Трудовая Группа должна была сыграть роль защитнаго цвѣта уже не для отступниковъ отъ партійной дисциплины, а для тѣхъ легальныхъ членовъ партіи, которые рѣшили послужить рупоромъ народной воли въ четвертой Государственной Думѣ.

Однако эта необходимая военная хитрость была разгадана царскимъ правительствомъ, и, кромѣ А. Ф. Керенскаго, ни одинъ эсъ-эръ не прошелъ въ Государственную Думу.

Керенскій „проскочилъ“ въ четвертую Думу отъ маленькаго городка Саратовской губерніи Вольска, отъ 2-го съѣзда городскихъ избирателей. „Разъяснить“ А. Ф. Керенскаго правительству не удалось, такъ какъ съ формальной стороны его выборъ былъ обставленъ строго-законно.

Тогда царское правительство рѣшило бороться съ другомъ народа,—а, слѣдовательно, со своимъ заклятымъ врагомъ,—обычными своими средствами—шпіонажемъ. За время пятилѣтней дѣятельности А. Ф. въ качествѣ народнаго избранника, члена четвертой Государственной Думы, „дѣло“ о немъ въ Департаментѣ полиціи разбухло невѣроятно. И чего только нѣтъ въ этомъ дѣлѣ! Каждый шагъ А. Ф. Керенскаго былъ извѣстенъ Департаменту полиціи: когда и куда поѣхалъ или пошелъ, сколько времени пробылъ, съ кѣмъ вышелъ, о чемъ говорилъ, что сдѣлалъ, и т. д. и т. д. Должно-быть, за живость характера и быстрыя движенія А. Ф. Керенскій получилъ отъ Департамента полиціи характерную кличку „Быстрый“. Думали ли шпіоны и охранники, придумывая эту кличку для А. Ф. Керенскаго, что эта „быстрота“ ихъ кліента „Быстраго“ сыграетъ такую роковую для нихъ роль и въ февральскіе дни нашей Великой Русской Революціи?

Но, какъ бы тамъ ни было, слѣжка за А. Ф. Керенскимъ была поставлена образцово. Матеріаль объ его дѣятельности имѣется богатѣйшій. Департаментъ полиціи проникъ со своимъ шпіонажемъ почти въ самую его семью. А. Ф. Керенскій ввелъ въ свою семью одного хорошо рекомендованнаго ему юношу, нѣкоего Митю Алимова, съ которымъ онъ,—по

словамъ самого Александра Федоровича, — „очень нянчился“, т.-е. ласкалъ, развивалъ, помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ, довелъ до петроградскаго Психо-Неврологическаго института. И вотъ этого-то Митю Алимова охранка и избрала своимъ поганымъ орудіемъ. Неизвѣстно пока, какъ попался несчастный юноша въ лапы охранки; извѣстно только, что онъ продавалъ Александра Федоровича всего за 20 сребренниковъ въ мѣсяцъ.

Когда А. Ф. узналъ объ этомъ, его печали не было конца.

— Если бы вы знали, какъ мнѣ жаль Митю, — говорилъ мнѣ Александръ Федоровичъ. — Вѣдь это не онъ виновать. Онъ молодъ, неопытенъ. Это виноваты тѣ, кто погубилъ его. Виновать весь этотъ проклятый старый прогнившій строй.

И вотъ, когда этотъ Митя Алимовъ, арестованный Саратовскимъ Общественнымъ Комитетомъ, какъ провокаторъ, недавно прислалъ на имя А. Ф. Керенскаго, уже какъ министра юстиціи, телеграмму: „Разстрѣляйте, раскаялся“, Александръ Федоровичъ немедленно же отвѣтилъ Саратовскому Комитету срочной телеграммой такого содержания: „Если можно, освободите Алимова. Онъ въ своей совѣсти найдетъ свой судъ“.

V.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ—ЛИДЕРЪ ТРУДОВОЙ ГРУППЫ.

Образованіе въ четвертой Государственной Думѣ фракціи Трудовой Группы выдвинуло А. Ф. Керенскаго на роль лидера этой фракціи.

Я не буду останавливаться на пятилѣтней думской дѣятельности А. Ф. въ качествѣ вождя фракціи Трудовой Группы, такъ какъ это завело бы меня очень далеко. Скажу только, что не было ни одного вопроса, касающагося правъ народа на землю и волю, который бы остался не освѣщеннымъ А. Ф. съ думской трибуны. Страстные, убѣжденные рѣчи друга народа, — къ сожалѣнію, доходившія до народа лишь въ видѣ отрывковъ или просто сплошныхъ бѣлыхъ мѣстъ, —

заставляли иногда задумываться даже явныхъ враговъ народа, въ родѣ Маркова 2-го и Замысловскаго.

Искренность А. Ф. Керенскаго и глубина его убѣжденій признавались даже его политическими врагами.

Прочитайте или хотя бы перелистайте только книжку „Дѣятельность фракціи Трудовой Группы въ четвертой Государственной Думѣ“,—запрещенную и изъятую изъ обращенія царскимъ правительствомъ,—и вы увидите, какъ стойко, убѣжденно, искренно и страстно боролся А. Ф. за права всего трудового народа, а особенно крестьянства.

Но борьба эта велась А. Ф. и за стѣнами Таврическаго дворца. Около думской фракціи Трудовой Группы собралось не мало друзей народа не изъ членовъ Государственной Думы. На организацію и работу въ этой Трудовой Группѣ,—въ которую члены думской фракціи входили, какъ часть въ цѣлое,—А. Ф. отдавалъ все свое время, не занятое думской работой.

Центръ тяжести своей работы въ Трудовой Группѣ А. Ф. перенесъ на объединеніе всѣхъ народниковъ, на сплоченіе ихъ, на пробужденіе ихъ къ активной политической работѣ.

Въ іюлѣ 1915 года, по инициативѣ А. Ф., было создано въ Петроградѣ, въ его квартирѣ, совѣщаніе представителей всѣхъ тогдашнихъ народническихъ теченій,—трудовиковъ, народныхъ социалистовъ, старыхъ и молодыхъ социалистовъ-революціонеровъ,—для выработки общей **тактической** платформы для активной политической борьбы со старымъ строемъ.

На этомъ совѣщаніи А. Ф. выступилъ съ яркими рѣчами о неотложной необходимости тактическаго единенія всѣхъ народническихъ теченій, о возрожденіи партіи социалистовъ-революціонеровъ, о переработкѣ программы партіи въ связи съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ Россіи.

VI.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ, КАКЪ ЛЕКТОРЪ И ПИСАТЕЛЬ.

Тѣсно связанный съ Петербургомъ, А. Ф. однако не ограничивалъ своей дѣятельности только столицей. Всѣ думскія каникулы онъ обычно проводилъ въ объѣздѣ провин-

ції. Москва, Саратовъ, Самара, Казань, Харьковъ, Вольскъ, Ташкентъ, Лена, Самаркандъ и т. д. и т. д.—гдѣ только не бывалъ „Быстрый“, задавая работѣ охрѣнѣ, Департаменту полиціи и шпіонамъ!

И всюду, гдѣ онъ бывалъ, тлѣвшіе угольки партійной политической работы, если не вспыхивали сразу яркимъ пламенемъ, то все же разгорались и согрѣвали сердца и умы „осѣвшихъ“ работниковъ, пробуждали въ нихъ общественную, партійную совѣсть, снова придвигали ихъ къ народу, къ работѣ на его счастье.

Помню октябрь 1915 года въ Самарѣ. Получили отъ А. Ф. телеграмму: „Буду 29-го, устраивайте лекцію. Тема—военная сессія Государственной Думы“.

Просвѣтлѣли. Зашевелились. Наладили съ „отвѣтственнымъ“. Получили разрѣшеніе. Старый товарищъ Іосифъ Абрамовичъ Цадиковъ оборудовалъ хозяйственную часть лекціи.

Пріѣхалъ „Быстрый“. Облеталъ всѣхъ. Шутками, разсказами о Петроградѣ пробудилъ, спрыснулъ живой водой.

На другой день лекція.

Театръ „Олимпъ“ биткомъ былъ набитъ народомъ—рабочими, крестьянами, интеллигенціей.

Горячая, страстная рѣчь лилась, какъ потокъ, въ теченіе двухъ часовъ. Положеніе страны стало яснымъ,—яснымъ до боли, до тоски.

— Ахъ, какъ хорошо провелъ я сегодня день,—говорилъ Цадиковъ, возвратившись съ лекціи и ложась въ постель.

И черезъ часъ умеръ отъ разрыва сердца.

Помню, какое это сильное впечатлѣніе произвело тогда на А. Ф.

Онъ какъ-то стихъ, углубилась мучительная складка между бровей, словно онъ считалъ себя виновнымъ въ смерти нашего товарища.

А вѣдь онъ далъ ему послѣднюю радость въ жизни, предсмертную радость вострепнувшей къ идейнымъ высотамъ души.

И другой октябрь помню, въ той же Самарѣ—октябрь прошлаго 1916 года.

Опять телеграмма отъ А. Ф., и опять такого же содержанія. И опять мы просвѣтлѣли и зашевелились. И опять удалось устроиться съ лекціей.

Пріѣзжаетъ.

Первый вопросъ, который онъ задаетъ мнѣ еще въ передней, не раздѣваясь:

— Не разрѣшили, конечно? Могу уѣзжать? И хорошо. Очень спѣшу въ Питеръ. Едва могъ пріостановить высылку Мясоѣдова, Чумаевского, Бергмана и Романенко — нашихъ товарищей-адвокатовъ. Надо скорѣе побывать у министра, а то губернаторъ не раздумалъ бы и не выслалъ бы.

— Нѣтъ, — говорю, — придется остаться. Лекція разрѣшена, и всѣ билеты уже проданы.

Расхохотался громко, раскатисто, заразительно, какъ онъ умѣетъ смѣяться.

— Какъ такъ? Да вѣдь въ Саратовѣ-то мнѣ губернаторъ запретилъ читать лекцію на эту тему?

— У насъ другой штатъ, а штаты вѣдь у насъ разединенные, а не соединенные,—пошутилъ я.

— На этотъ разъ, это—выходить—къ счастью.

Лекція началась торжественно.

— Прежде чѣмъ начать свою лекцію,—сказалъ А. Ф.,—я долженъ отдать долгъ почившимъ борцамъ за свободу народа. За то время, что я у васъ не былъ, скончались двое моихъ товарищей: одинъ—мой другъ и товарищъ по партіи социалистовъ-революціонеровъ Юсифъ Абрамовичъ Цадиковъ, такъ много сдѣлавшій для народа, а другой—товарищъ по Государственной Думѣ Николай Александровичъ Гладышъ, принадлежавшій хотя и къ другой партіи, къ партіи конституціоналистовъ-демократовъ, но бывшій всегда горячимъ защитникомъ народныхъ интересовъ и рыцаремъ въ думской борьбѣ партій.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали почтить память ушедшихъ въ могилу борцовъ за народное счастье.

Лекція была прекрасна, но А. Ф. остался недоволенъ собою.

Въ перерывѣ вхожу къ нему на авансцену.

— Чтò? Скверно? А? Не лучше ли прекратить? Сказать, что внезапно заболѣлъ или что-нибудь такое. А?

— Да будетъ, — говорю А. Ф., — не напрашивайтесь на комплименты. Аудиторія ловить каждое ваше слово. Развѣ вы не чувствуете внутренней связи со своей аудиторіей?

— Нѣтъ, не то. Выходить, будто я всю вину на блокъ валю. А вѣдь это не вѣрно. Это не такъ. А мы-то сами хороши? Мы-то сами все дѣлаемъ, что нужно?

— Не знаю, — говорю, — откуда у васъ это сомнѣніе. Все, что вы говорили о блокѣ, напротивъ, было настолько объективно, что, по-моему, вы даже недостаточно выявили передъ аудиторіей вялости и неувѣренности въ себѣ блока.

Вторая часть лекціи была произнесена А. Ф. съ такимъ подъемомъ, что аудиторія положительно задрожала отъ грома рукоплесканій.

Особенно хороши были заключительныя, почти пророческія слова лекціи.

Я ихъ отлично помню.

...— „Но на смѣну всему этому старому порядку, — сказалъ А. Ф., — вѣрнѣе, беспорядку, скоро придетъ новый порядокъ... Его принесетъ къ намъ демократія, единственный хозяи́нъ жизни. И демократія уже идетъ... Я уже отчетливо слышу шаги народа... Готовьтесь встрѣтить его... Приготовьтесь итти съ нимъ нога въ ногу, рука объ руку“...

Выйдя изъ „Олимпа“, присутствовавшіе на лекціи не разошлись, а остались ожидать выхода А. Ф. Молодежь сговори́лась устроить ему овацію, но онъ незамѣтно вышелъ изъ помѣщенія. Громадная толпа, запрудившая собою двѣ улицы, не расходилась съ полчаса. Встревоженная полиція выслала къ театру усиленные наряды конныхъ стражниковъ, но они не понадобились: узнавъ, что А. Ф. ушелъ уже изъ „Олимпа“, толпа мирно разошлась по домамъ.

Если добавить къ этому, что весь большой сборъ съ лекціи А. Ф. отдалъ на изданіе въ Самарѣ народнической газеты „Вѣсти“, — закрытой потомъ администраціей на пятомъ номерѣ, — и на помощь ссыльнымъ политическимъ, то едва ли нужно говорить, что лекторство А. Ф. являлось однимъ изъ лишніхъ способовъ служить великому дѣлу освобожденія народа отъ вѣкового политическаго и соціальнаго гнета.

Такая кипучая дѣятельность А. Ф. не позволяла ему, конечно, прилежно заниматься литературой.

Однако и въ литературѣ онъ успѣлъ заявить себя яркими статьями на политическія темы.

Такъ, напримѣръ, въ 1905-1906 году онъ работалъ въ журналъ „Буревѣстникъ“. Мнѣ особенно запомнилась одна изъ его тогдашнихъ статей объ Учредительномъ Собраніи, въ которой онъ проводилъ ту мысль, что выборы въ Учредительное Собрание должны быть произведены и среди войскъ, находившихся тогда еще въ Сибири, въ войнѣ съ Японіей. Книга А. Ф. „Правда о Ленѣ“ является сплошнымъ крикомъ наболѣвшаго сердца о положеніи рабочихъ. Въ послѣдніе годы статьи А. Ф. по политическимъ вопросамъ появлялись въ народническихъ журналахъ „Завѣты“ и „Сѣверныя Записки“.

VII.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.

Особенность психики А. Ф. Керенскаго—нервная чуткость къ политическимъ событіямъ, доходящая часто до предвидѣнія ихъ. Это то, что называется интуиціей, подсознательнымъ угадываніемъ событій, то, что принято иногда называть „шестымъ чувствомъ“.

Въ обычномъ жизненномъ обиходѣ эта способность у людей называется способностью „предчувствовать“,—предчувствовать надвигающуюся опасность, несчастье, радость и т. д. Чувство это даетъ физическія и психическія ощущенія, нѣсколько похожія на ощущенія нервныхъ людей передъ надвигающейся, еще далекой грозой.

Эти, такъ сказать, предъощущенія надвигавшейся политической, революціонной грозы сказывались у А. Ф. Керенскаго и въ его думскихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ еще за два съ лишкомъ мѣсяца до революціи.

Такъ, въ засѣданіи Государственной Думы еще 16-го декабря 1916 года А. Ф. Керенскій говорилъ:

— „Господа, теперь вы сами видите, что всѣ слова, которыя можно сказать о власти, которыми можно за-

клеймить власть, преступную передъ государствомъ, всѣ сказаны. Мы слышали здѣсь изъ устъ не лѣвыхъ людей, не русскихъ либераловъ, а изъ устъ октябристовъ и консерваторовъ заявленіе, что „власть губить страну“, что „она является предательской“, что „дальнѣйшее ея существованіе грозитъ крахомъ государству“. Но какіе же выводы сдѣланы изъ этихъ словъ?.. Если сегодня представитель лѣвыхъ октябристовъ С. И. Шидловскій говорилъ намъ: „я не революціонеръ, я отрицаю революціонный методъ“, то вѣдь, господа, Шидловскій сегодня уподобился тому герою Мольера, который съ недоумѣніемъ и удивленіемъ въ одинъ прекрасный день узналъ, что онъ-то „говорить прозой“. Вѣдь процессъ въ которомъ участвуетъ С. И. Шидловскій, это и есть революціонный... Вы, гг., до сихъ поръ подъ словомъ „революція“ понимаете какія-то дѣйствія антигосударственныя, разрушающія государство, когда вся міровая исторія говоритъ, что революція была методомъ и единственнымъ средствомъ спасенія государствъ. Это есть напряженнѣйшій моментъ борьбы съ правительствомъ, губящимъ страну, Революціонный процессъ—объективный процессъ. И я вамъ напомнимъ, что въ 1789 году во Франціи былъ графъ Мирабо, который не подозрѣвалъ очень долгое время, что онъ является однимъ изъ величайшихъ дѣятелей революціи и антидинастической...“ (Рѣчь прерывается предсѣдателемъ Думы) — „Я хочу сказать, гг., что идетъ вопросъ не о словахъ, а вопросъ о дѣйствіяхъ и о методахъ борьбы. И разъ навсегда догадайтесь, гг. герои изъ Мольера, что вы участвуете въ такомъ процессѣ исторіи Россіи, который называется процессомъ революціоннымъ...“

И, чувствуя приближающуюся революцію, чувствуя себя самого уже въ „революціонномъ процессѣ“, А. Ф. Керенскій усердно проясняетъ революціонное сознаніе Думы, вталкиваетъ ее въ „революціонный процессъ“.

— ...„Вѣдь власть сидитъ на концѣ солдатскаго штыка,— говоритъ онъ.— И когда въ такіе моменты говорятъ: „мы боремся „законнымъ способомъ“, мы боремся „на основаніи статей закона“, — то я спрашиваю совершенно искренно и безъ всякой полемики: вы не чувствуете ли

сами, что у васъ нѣтъ оружія въ рукахъ, потому что эти законные способы, эти законы другой стороною, борющейся съ вами, не признаются?.. Дѣйствуя „законнымъ путемъ“, вы подобны Донъ-Кихоту, который борется съ мельницами. Вамъ предоставляютъ этотъ законный методъ: онъ никому не мѣшаетъ... Если власть пользуется законнымъ аппаратомъ государственнаго управленія только для того, чтобы насиловать страну, чтобы вести ее къ гибели, обязанность гражданъ этому закону не подчиняться...”

Однако Дума еще не осознала революціоннаго процесса; она еще упирается. Предсѣдатель прерываетъ А. Ф. Въ залѣ поднимается невообразимый шумъ. Протестующаго Керенскаго грозятъ удалить съ каѳедры силой. Объявляется перерывъ.

Вскорѣ были прерваны правительствомъ и занятія Государственной Думы до 14-го февраля 1917 года.

За этотъ промежутокъ времени А. Ф. Керенскій уже окончательно вошелъ своей психикой въ „революціонный процессъ“. На другой день послѣ открытія Думы, 15-го февраля 1917 года, онъ выступаетъ со своей первой, исторической, уже явно революціонной рѣчью.

— ...„Я согласенъ съ тезисомъ предыдущаго оратора, члена Государственной Думы Милюкова, — начинаетъ эту свою рѣчь А. Ф. Керенскій,—что мы вступаемъ въ критическій періодъ трехлѣтнихъ боевъ. Но позвольте мнѣ не быть такимъ оптимистомъ и показать вамъ, что то напряженіе и та обязанность, которая должна лечь на весь народъ, а также и на васъ, можетъ-быть, гораздо болѣе серьезна. Кризисъ, гг., въ который мы вступаемъ, а, можетъ-быть, уже вступили, этотъ кризисъ переживается не только Россіей. Нѣтъ, вся Европа захлебывается въ крови, которая проливается щедро, огромной рѣчкой уже третій годъ... Можете ли вы, гг., держа въ рукахъ судьбы своей страны и отвѣчая за эту кровь, можете ли вы сказать, что вы сдѣлали все, что вы напрягли не только энтузіазмъ и пафосъ словъ съ этой каѳедры, но что вы проявили также и все напряженіе политическаго дѣйствія, политической воли. Сумѣли ли вы, сознавая вашу отвѣтственность взять на себя личный рискъ въ борьбѣ съ

той старой системой, которая губить сграну“... (Милюковъ съ мѣста: „Мы сдѣлали больше, чѣмъ вы“).—„Я. гг., говорю не для того, чтобы вступать въ пренія и въ полемику. Я признаю также открыто, — потому что моментъ слишкомъ отвѣтственный, и мы должны говорить только правду, — я признаю, гг., что и мы, представители демократіи, не всегда смогли выполнить нашъ долгъ до конца, но мы всегда были на высотѣ пониманія нашихъ историческихъ задачъ, которыя стояли передъ нами. Я не хочу вступать въ споры и въ партійную борьбу. Я хочу, гг., чтобы эта наша сессія и эти дни прошли бы при полномъ сознаніи величайшихъ страданій и величайшей отвѣтственности, которая скоро падетъ на насъ на всѣхъ, безъ различія нашихъ политическихъ убѣжденій. Я бы хотѣлъ, чтобы въ этотъ послѣдній моментъ передъ великими событіями лѣта, мы до конца посмотрѣли бы на свое ближайшее будущее и въ послѣдній разъ спросили себя, можемъ ли мы дѣйствительно что-нибудь сдѣлать, чтобы не въ Константинополь прійти, чтобы не дѣлать Европу по картѣ, проектируемой досужимъ мечтателемъ, а чтобы спасти народное достояніе, наслѣдіе прошлаго, которое попало въ наши руки?.. Если вы забудете, что сидите въ этихъ стѣнахъ Таврическаго дворца, куда чрезвычайно плохо доходятъ подлинныя звуки жизни, куда боль и страданіе народа достигаютъ въ отраженномъ и изломанномъ свѣтѣ; если вы вспомните подлинную жизнь; если вы посмотрите на то, что окружало васъ двѣ недѣли назадъ, когда вы еще хотѣли ѣхать сюда, — вы поймете, господа, что страна находится уже въ хаосѣ, что мы переживаемъ небывалую въ историческія времена въ жизни нашей родины смуту, передъ которой время 1613 года кажется дѣтскими сказками... Передъ вами, гг., та самая картина, которую переживала Франція во время великой революціи. Гг., этотъ хаосъ налицо передъ вами, и я спрашиваю васъ, есть ли у насъ сознаніе и чувство политической отвѣтственности въ этотъ историческій моментъ подчинить свои личные и классовые соціальныя интересы единству, единымъ интересамъ государства. Я вамъ скажу, — этого сознанія у васъ еще нѣтъ.

Но посмотрите, гг., на этотъ хаосъ, посмотрите, что дѣ-

лала власть. Намъ говорятъ: „правительство виновато“, правительственные люди, которые, какъ „тѣни“, приходятъ и уходятъ съ этихъ мѣстъ (указываетъ на правительственные скамьи). Но поставили ли вы себѣ вопросъ наконецъ во всю ширь и во всю глубину, кто же тѣ, кто приводитъ сюда эти „тѣни“?.. Развѣ отвѣчаютъ эти маріонетки, которыя приходятъ сюда для того, чтобы уйти? Гдѣ же эта реальная власть, гдѣ эти люди, фактически ведущіе насъ къ гибели?.. Вы нашли ихъ, вы сказали отсюда открыто и прямо: „не въ васъ, маленькіе людишки, которые свои личные интересы даже въ такой историческій моментъ жизни предпочитаютъ интересамъ государства, не въ васъ дѣло, а въ вашихъ хоз-яевахъ. Хозяина нужно найти, гдѣ онъ, — тотъ, который приводитъ сюда этихъ людей?.. И если вы вспомните исторію власти за эти три года, вы вспомните, гг., какъ много здѣсь говорилось о „темныхъ силахъ“, и какъ эти разговоры о темныхъ силахъ создали союзъ юныхъ наивныхъ мечтателей съ политическими авантюристами—и этой „темной силы“, этого Распутина не стало. Чтѣ же, мы вступили въ новую эпоху русской жизни? Нѣтъ, она цѣликомъ осталась. Сюда они прислали новыхъ Распутиныхъ, и они будутъ имѣть ихъ безконечное количество: Распутина смѣнитъ Протопоповъ, Протопопова Риттихъ. Но вы-то, когда вы говорили о „темныхъ силахъ“, вы не вводили въ заблужденіе, вы не вели народъ окольными путями, вы не отводили отвѣтственности тѣхъ, кто долженъ былъ отвѣтить за этихъ безсильныхъ, ничтожныхъ людей, которые были послушной игрушкой и погибли, платя своей кровью за чужіе грѣхи?.. Я, гг., свободно могу говорить по этому вопросу, потому что вы знаете, что я по своимъ политическимъ и личнымъ убѣжденіямъ раздѣляю мнѣніе партіи, которая на своемъ знамени ставила открыто возможность террора, возможность вооруженной борьбы съ отдѣльными представителями власти, принадлежу къ партіи, которая открыто признавала необходимость тиранобійствъ. Мы были послѣдователями тѣхъ людей...“

На этомъ мѣстѣ рѣчь А. Ф. Керенскаго была прервана Предсѣдателемъ Думы, который сказалъ

— Членъ Думы Керенскій, я прошу изложеніемъ программы вашей партіи не давать основанія утверждать, что въ Государственной Думѣ можетъ раздаваться приглашеніе къ чему-либо подобному тому, о чемъ вы говорите.

Керенскій на это отвѣчалъ:

— Я говорю о томъ, что дѣлалъ въ классическія времена гражданинъ Брутъ; вмѣстѣ съ этимъ отрицаю вотъ эти способы затемненія человѣческаго сознанія и направленія негодованія народа по адресу ничтожныхъ и мало въ чемъ виновныхъ людей...

Договорены были А. Ф. Керенскимъ и „последнія слова“.

— „Какъ можно прикрывать свое бездѣйствіе исполненіемъ закона, — гнѣвно воскликнулъ онъ по адресу всей Думы, — когда ваши враги не прикрываются закономъ, а, открыто насмѣхаясь надъ всей страной, издѣваясь надъ вами, каждый день нарушаютъ законъ! Съ нарушителями закона есть только одинъ путь — путь физическаго ихъ устраненія... Подумайте, гг., подумайте... и не придете ли вы со мною къ одному выводу, что иногда гангренознаго больного, который умретъ черезъ двѣ недѣли, нужно, какъ меня недавно, вылѣчить хирургическимъ лѣченіемъ немедленно, ч тогда онъ воскреснетъ съ новыми силами къ новой жизни...

VIII.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ ВЪ РЕВОЛЮЦИИ.

Пророчество А. Ф. Керенскаго исполнилось съ точностью даже въ срокъ. Ровно черезъ двѣ недѣли великій операторъ — русскій вооруженный народъ — совершилъ великую хирургическую операцію надъ гангренозной Россіей.

2-го марта русское самодержавіе пало окончательно, и 2-го же марта А. Ф. Керенскій сталъ первымъ русскимъ министромъ-соціалистомъ.

Исторія дѣятельности А. Ф. Керенскаго въ первые и послѣдующіе дни революціи сложилась такимъ образомъ.

Съ 23-го февраля на улицахъ Петрограда начались демонстраціи и манифестаціи, въ результатъ которыхъ проис-

ходили столкновения граждан, солдат и рабочих с вооруженной полицией, частью переодетой в солдатские мундиры.

26-го февраля председатель Думы М. В. Родзянко, считая положение серьезным, отправил свои известные телеграммы царю, Алексею и всем главнокомандующим фронтами о необходимости составления нового правительства.

Вместо ответа на телеграмму М. В. Родзянко царь указом от 25-го февраля распустил Государственную Думу и назначил срок для возобновления ее занятий „не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств“.

Указ о роспуске Думы, полученный в Таврическом дворце в ночь на 27-е февраля, утром 27-го февраля вызвал экстренное заседание совета старейшин, происходившее в присутствии многих членов Думы.

Колебания, внесенные представителями думского блока при обсуждении вопроса — подчиниться или не подчиниться царскому указу о роспуске Думы — были сломлены горячими речами А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе. Совет старейшин постановил: „Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах“.

Около 1 часу дня в Государственную Думу явилась делегация от 25 тысяч возставших солдат — узнать о позиции, занятой народными представителями; за ними, около двух часов дня, подошли к зданию Государственной Думы сильные отряды революционной армии, сопровождаемые вооруженным народом.

Навстречу революционной армии вышли А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев и обратились к армии с первыми революционными речами. Выступление А. Ф. Керенского было встречено громовым „ура“, — и А. Ф. был поставлен в Таврическом дворце первый почетный караул из возставших войск.

В половине 3-го состоялось совещание членов Государственной Думы, и возникшая-было там снова колебания „блокистов“ снова же были сломлены А. Ф. Керенским и Н. С. Чхеидзе. Решено было организовать Временный Комитет Государственной Думы „для поддержания порядка в

Петроградъ и для сношенія съ различными учреждениями и лицами“, поручивъ произвести выборъ его совѣту старѣйшинъ.

Интересный штрихъ къ характеристикѣ А. Ф. Керенскаго вносить его гимназическій товарищъ, нѣкто г. С. Маркъ, своимъ разсказомъ объ А. Ф. Керенскомъ въ „февральскіе дни“. Вотъ этотъ его разсказъ съ небольшими сокращеніями.

„Это было въ серединѣ февраля. А. Ф. Керенскій просилъ меня провѣрить, насколько основательны дошедшіе до него слухи о томъ, что правительство хочетъ привлечь его къ отвѣтственности за одну изъ рѣчей, произнесенныхъ съ трибуны Гос. Думы,—за рѣчь 16-го декабря. Я навелъ справки. Оказалось, что слухи вѣрны. Я сообщилъ А. Ф. Керенскому, что предсѣдатель Совѣта министровъ кн. Н. Д. Голицынъ обратился къ М. В. Родзянко съ просьбою прислать полный, неисправленный текстъ инкриминируемой А. Ф. Керенскому рѣчи, послѣ чего вопросъ о привлеченіи получить окончательное разрѣшеніе.

Когда, выслушавъ это, А. Ф. Керенскій отошелъ въ сторону, одинъ изъ депутатовъ-націоналистовъ, присутствовавшій во время нашей бесѣды, сказалъ:

— Чтò, небось, не нравится Керенскому?.. Заволновался... А дай ему самому власть, такъ онъ показаль бы себя“.

Онъ показаль бы себя... Какъ ошибочно оказалось это мнѣніе черезъ нѣсколько же дней, какъ несправедлива та иронія, съ которой оно было высказано...

27-е февраля... Три часа дня... Въ полуциркульномъ залѣ Таврическаго дворца идетъ совѣщаніе депутатовъ о томъ, объявить ли себя Временнымъ Комитетомъ членовъ Гос. Думы... Всѣ взволнованы... Каждую минуту приходятъ все новыя и новыя вѣсти о томъ, чтò происходитъ въ городѣ... То и дѣло доносятся выстрѣлы... Толпа, собравшаяся около Таврическаго дворца, становится все нетерпѣливѣе... Она уже ломится въ подъѣздъ... Нельзя терять ни секунды.... А депутаты все совѣщаются. Мгновенія кажутся вѣчностью намъ, журналистамъ, ожидающимъ постановленія депутатовъ.

Но вотъ гулъ толпы становится сильнѣе... Мы съ безпокойствомъ бросаемся къ вестибюлю... Четверо рабочихъ,

вооруженных винтовками, ведутъ совсѣмъ юныхъ прапорщиковъ... Оказывается, это офицеры, стоявшіе во главѣ караула, охранявшаго водокачку, что противъ дворца... Прапорщики не хотятъ сдать караула рабочимъ, и толпа требуетъ ихъ выдачи для самосуда.

— Поймите, — говорятъ съ волненіемъ прапорщики, — мы не можемъ этого сдѣлать... Насъ можетъ смѣнить съ караула только наше военное начальство...

Мы понимаемъ прапорщиковъ. Но мы сознаемъ и другое: если они будутъ упорствовать — толпа учинитъ самосудъ, опасаясь, что съ водокачки откроется по ней стрѣльба...

Рабочіе, приведшіе прапорщиковъ, вызываютъ А. Ф. Керенскаго. И вотъ здѣсь А. Ф. Керенскій отдаетъ свое первое распоряженіе.

— Я понимаю васъ, — говоритъ онъ прапорщикамъ въ отвѣтъ на ихъ объясненія, — но, въ виду переживаемыхъ событій и невозможности вамъ снестись съ вашимъ начальствомъ, я приказываю вамъ сдать караулъ рабочимъ... Вы сами останетесь здѣсь... Своею собственною жизнью я гарантирую вамъ полную безопасность и неприкосновенность...

— Но если беспорядки будутъ подавлены... Вѣдь насъ тогда разстрѣляютъ по закону?..

— Я, членъ Гос. Думы Керенскій, лично приму тогда на себя отвѣтственность за то распоряженіе, которое я вамъ сейчасъ отдаю.

Двѣ молодыхъ жизни были спасены... Мы провели прапорщиковъ въ одну изъ комнатъ, велѣли принести имъ чаю и бутерброды съ котлетами... Увы, они продолжали все еще такъ волноваться, что кусокъ застрялъ бы у нихъ въ горлѣ... И чай и бутерброды остались нетронутыми.

— Поймите, — говорили они, — въ какомъ положеніи мы очутились?.. Съ одной стороны приказъ начальства въ случаѣ приближенія толпы къ Таврическому дворцу открыть стрѣльбу, съ другой — отказъ нашихъ солдатъ стрѣлять... Мы уже хотѣли застрѣлиться, не видя выхода...

А съ улицы доносился гулъ толпы, и нѣкоторые изъ нея уже входили во дворецъ.

Комитетъ былъ избранъ въ составѣ 12 лицъ.

Въ число этихъ 12 избирается и А. Ф. Керенскій.

Вечеромъ 27-го организуется Временный Исполнительный Комитетъ Сѣѣта Рабочихъ Депутатовъ; предсѣдателемъ его избирается Н. С. Чхеидзе, а товарищемъ предсѣдателя — А. Ф. Керенскій.

28-го февраля къ Государственной Думѣ продолжаютъ стекаться все новыя и новыя части возставшихъ войскъ.

А. Ф. Керенскій выступаетъ со слѣдующей къ нимъ рѣчью:

— „Товарищи, рабочіе, солдаты, офицеры и граждане! То, что мы всѣ собрались въ этомъ залѣ въ этотъ великій, знаменательный день, даетъ мнѣ вѣру въ то, что старый варварскій строй погибъ безвозвратно (гуль одобренія). Я думаю, что то, что мы дѣлаемъ здѣсь, есть дѣло не только петроградское, — это дѣло всей великой страны, дѣло, за которое уже погибъ въ бесплодной борьбѣ рядъ поколѣній.

Товарищи, въ жизни каждаго государства, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, бываютъ моменты, когда вопросъ идетъ уже не о томъ, какъ лучше жить, а о томъ, будетъ ли оно вообще жить. Мы переживаемъ такой моментъ, когда мы должны спросить себя, будетъ ли Россія жить, если старый порядокъ будетъ существовать. Чувствуете вы это? (Весь залъ отвѣчаетъ: „Чувствуемъ!“) Мы собрались сюда дать клятвенное завѣреніе, что Россія будетъ свободна. (Всѣ поднимаютъ руки вверхъ: „Клянемся!“) Товарищи, первѣйшей нашей задачей сейчасъ является организація. Мы должны въ три дня создать полное спокойствіе въ городѣ, полный порядокъ въ нашихъ рядахъ“.

Затѣмъ А. Ф. Керенскій призываетъ солдатъ и офицеровъ къ полному единенію и довѣрію другъ къ другу, призываетъ офицеровъ быть старшими товарищами солдатъ.

— „Весь народъ сейчасъ, — говоритъ онъ, — заключилъ одинъ прочный союзъ противъ самаго страшнаго нашего врага, болѣе страшнаго, чѣмъ врагъ внѣшній, — противъ стараго режима. И этотъ союзъ долженъ сохраниться до тѣхъ поръ, пока мы не достигнемъ своей цѣли“.

Свою рѣчь А. Ф. Керенскій закончилъ возгласомъ:

— „Да здравствуетъ свободный гражданинъ свободной Россіи!“

Долго не смолкавшее „ура“ было отвѣтомъ на эту рѣчь. 28-го же А. Ф. Керенскій, отъ имени Исполнительнаго Комитета, произвелъ первый арестъ — арестъ бывшего министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова, который самъ явился въ Таврической дворецъ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ Протопоповъ вставая и обращаясь къ Керенскому, — отдаю себя въ ваше распоряженіе.

— Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, — послѣдовалъ отвѣтъ А. Ф. Керенскаго, — отъ имени Исполнительнаго Комитета объявляю васъ арестованнымъ“.

2-го марта Исполнительный Комитетъ приступилъ къ болѣе прочному устройству исполнительной власти и образовалъ Временное Правительство, въ составъ котораго, въ качествѣ министра юстиціи, вошелъ и А. Ф. Керенскій.

Вечеромъ новый министръ юстиціи А. Ф. Керенскій произнесъ въ Екатерининскомъ залѣ рѣчь, обращенную къ солдатамъ и гражданамъ.

При появленіи А. Ф. Керенскаго на трибунѣ, огромный Екатерининскій залъ огласился бурными и продолжительными аплодисментами тысячной толпы.

— „Товарищи, солдаты и граждане!—началъ министр юстиціи.—Я, членъ Гос. Думы А. Ф. Керенскій — министр юстиціи (бурные аплодисменты и восторженные крики „ура“), объявляю во всеуслышаніе, что новое Временное Правительство вступило въ исполненіе своихъ обязанностей по соглашенію съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

Соглашеніе, заключенное между Исполнительнымъ Комитетомъ Гос. Думы и Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, одобрено Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ большинствомъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ противъ 15 (бурные аплодисменты и возгласы „браво“).

Первымъ актомъ новаго правительства является немедленное опубликованіе акта о полной амнистіи. Наши товарищи-депутаты второй и четвертой Гос. Думъ, незаконно сосланные въ тундры Сибири, будутъ немедленно освобождены и съ особымъ почетомъ привезены сюда.

Товарищи, въ моемъ распоряженіи находятся всѣ бывшіе предсѣдатели Совѣта министровъ и всѣ министры стараго режима. Они отвѣтятъ, товарищи, за всѣ преступленія передъ народомъ, согласно закону (Возгласы: „Казнить ихъ!“).

Товарищи, свободная Россія не будетъ прибѣгать къ тѣмъ позорнымъ средствамъ борьбы, которыми пользовалась старая власть.

Безъ суда никто подвергнутъ наказанію не будетъ. Всѣхъ будетъ судить гласный народный судъ. Товарищи, солдаты и граждане, всѣ мѣры, которыя будутъ приняты новымъ правительствомъ, будутъ опубликованы.

Солдаты, прошу васъ оказать намъ содѣйствіе. Свободная Россія родилась, и никому не удастся вырвать свободу изъ рукъ народа.

Не слушайте призывовъ, исходящихъ отъ агентовъ старой власти.

Слушайте вашихъ офицеровъ. Товарищи-солдаты, могу ли я надѣяться, что вы исполните это? (Крики: „Исполнимъ“). И передадите мою просьбу слушаться офицеровъ — всѣмъ вашимъ товарищамъ? (Крики: „Передадимъ“). Тогда побѣда съ вами. Да здравствуетъ Свободная Россія!“ (Бурные аплодисменты и крики „браво“).

Затѣмъ, во время обсужденія Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей временнаго правительства, въ засѣданіе Совѣта явился А. Ф. Керенскій и попросилъ слова для внѣочереднаго заявленія.

Слово ему немедленно было дано, и А. Ф. Керенскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

— „Товарищи! Я долженъ сдѣлать вамъ сообщеніе чрезвычайной важности.

Товарищи, довѣряете ли вы мнѣ? (Возгласы на всѣхъ скамьяхъ: „Довѣряемъ, довѣряемъ!“) Я говорю, товарищи, отъ всей глубины моего сердца, я готовъ умереть, если это будетъ нужно. (Въ залѣ сильное волненіе. Керенскаго привѣтствуютъ рукоплесканіями, превращающимися въ горячую овацію). Товарищи, въ настоящій моментъ образовалось Временное правительство, въ которомъ я занялъ постъ министра.

(Бурные аплодисменты). Товарищи, я долженъ былъ дать отвѣтъ въ теченіе пяти минутъ и потому не имѣлъ возможности получить вашъ мандатъ до рѣшенія моего о вступленіи въ составъ Временнаго Правительства.

Товарищи, въ моихъ рукахъ находились представители старой власти, и я не рѣшился выпустить ихъ изъ своихъ рукъ. (Бурные аплодисменты, возгласы: „правильно!“)

Я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе и вошелъ въ составъ Временнаго Правительства въ качествѣ министра юстиціи (новый взрывъ аплодисментовъ). Немедленно по вступленіи на постъ министра я приказалъ освободить всѣхъ политическихъ заключенныхъ и съ особымъ почетомъ препроводить изъ Сибири сюда, къ намъ, нашихъ товарищей-депутатовъ, членовъ социаль-демократической фракціи четвертой Думы и депутатовъ второй Думы. (Бурные аплодисменты, переходящіе въ овацію). Освобождаются всѣ политическіе заключенные, не исключая и террористовъ.

Я занялъ постъ министра юстиціи до созыва Учредительнаго Собранія, которое должно будетъ, выражая волю народа, установить будущій государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будетъ гарантирована полная свобода пропаганды и агитаціи по поводу формы будущаго государственнаго устройства Россіи, не исключая и республики (бурные аплодисменты).

Въ виду того, товарищи, что я принялъ на себя обязанности министра юстиціи до полученія отъ васъ на это полномочій, я слагаю съ себя званіе товарища предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Но для меня жизнь безъ народа невысказана, и я вновь готовъ принять на себя это званіе, если вы признаете это нужнымъ („Просимъ! Просимъ!“). Товарищи, войдя въ составъ Временнаго Правительства, я остался тѣмъ же, кѣмъ былъ—республиканцемъ (шумные аплодисменты). Въ своей дѣятельности я долженъ опираться на волю народа. Я долженъ имѣть въ немъ могучую поддержку. Могу ли я вѣрить вамъ, какъ самому себѣ? (Бурные аплодисменты, возгласы: „вѣрь, вѣрь, товарищъ!“) Я не могу жить безъ народа, и въ тотъ моментъ, когда вы усомнитесь во мнѣ,—убейте меня (новый взрывъ овацій).

Я заявлю Временному Правительству, что я являюсь представителем демократіи, и что Временное Правительство должно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать въ качествѣ представителя народа, усиліями котораго была свергнута старая власть (Аплодисменты, возгласы: „Да здравствуетъ министръ юстиціи!“).

Товарищи, время не ждетъ. Я призываю къ организаціи, къ дисциплинѣ, прошу васъ поддержать насъ, вашихъ представителей, готовыхъ умереть во имя интересовъ народа и отдавшихъ ему всю свою жизнь.

Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мнѣ возможность осуществить всѣ необходимыя гарантіи свободы до созыва Учредительнаго Собранія (аплодисменты).

Товарищи! Позвольте мнѣ вернуться къ Временному Правительству и объявить ему, что я вхожу въ его составъ съ вашего согласія, какъ вашъ представитель“ (Бурные аплодисменты, переходящіе въ овацію, возгласы: „Да здравствуетъ Керенскій!“).

Всѣ встаютъ со своихъ мѣстъ, подхватываютъ на руки Керенскаго и изъ залы общаго собранія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ несутъ его въ кабинетъ Исполнительнаго Комитета.

Съ этого момента дѣятельность А. Ф. Керенскаго начинается протекать по двумъ путямъ: по пути перваго министра-соціалиста,—„заложника“ въ буржуазномъ правительствѣ, звена и спайки между буржуазіей и демократіей,—и по пути перваго министра юстиціи свободной Россіи,—ликвидатора старой лжи и несправедливости и насадителя и укрѣпителя новой революціонной правды.

IX.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ, КАКЪ МИНИСТРЪ-СОЦІАЛИСТЪ.

Первыя слова, которыя я слышалъ отъ А. Ф. Керенскаго при первомъ нашемъ свиданіи послѣ переворота,—это было 6-го марта,—были такія:

— Я не боюсь правыхъ, не боюсь контръ-революціи;—

она невозможна. Я боюсь насъ самихъ: боюсь социалистовъ, — ихъ фракціонныхъ разногласій, непримиримости ихъ партійныхъ позицій.

И А. Ф. оказался правъ.

Все, что такъ страстно волновало Россію въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ революціи — и „двоевластіе“, и „ленинство“, и вопросъ о „коалиціонномъ“ кабинетѣ — все это являлось „опасностью слѣва, а не справа“.

На стеску острыхъ угловъ, на спайку творческихъ элементовъ, на закладку фундамента, на цементированіе устоевъ новой свободной Россіи, сложенныхъ раньше по типу циклопическихъ построекъ, и тратилъ и тратитъ свою энергію нашъ первый министр-соціалистъ А. Ф. Керенскій.

Поѣздки въ Москву, въ Кронштадтъ, въ Гельсингфорсъ, въ Ревель, на фронтъ, въ Ставку; выступленія въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, на партійныхъ конференціяхъ, сѣздахъ, передъ различнаго рода делегаціями и депутаціями; почти непрерывныя засѣданія въ Совѣтѣ Министровъ; дневныя и ночныя совѣщанія съ представителями партій и группъ, съ личными друзьями, — вотъ пути и средства, избранныя А. Ф. Керенскимъ для сколачиванія новой свободной Россіи, разсыпавшейся, какъ клепки безъ желѣзнаго обруча, въ великую могучую Россію, крѣпкую свободой, порядкомъ и единствомъ.

Вотъ одна изъ рѣчей нашего гражданина-кузнеца, выходяющаго новую республиканскую Россію, — рѣчь, обращенная къ представителямъ арміи.

Въ этой рѣчи имѣются отвѣты на многіе вопросы и сомнѣнія, волнующія и не только армію.

— „Временное Правительство, — сказалъ А. Ф. Керенскій, — обладаетъ всей полнотою власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы — не Совѣтъ Министровъ, а Временное Правительство, мы — десять товарищей вашихъ и обыкновенные граждане. Мы взяли на себя бремя тяжелое и отвѣтственность огромную, ибо мы взяли власть въ свои руки въ моментъ величайшей разрухи и должны исполнить двѣ задачи: во-первыхъ, укрѣпить свободу, демократизировать страну и довести ее до Учредительнаго Собранія, которое, какъ я не сомнѣваюсь,

выскажется за демократическую республику, и, во-вторыхъ, мы не должны позволить прорвать фронтъ, уничтожить живую силу государства и отнять свободу.

При исполненіи этихъ задачъ мы нуждаемся въ критикѣ и контролѣ. Поэтому не смущайтесь и не думайте, что критика и контроль общественныхъ круговъ мѣшаютъ намъ работать. Тѣмъ болѣе мы нуждаемся въ контролѣ и критикѣ Совѣтовъ Солдатскихъ, Рабочихъ, Крестьянскихъ и Офицерскихъ Депутатовъ, которые представляютъ народъ и русскую демократію. Можетъ-быть, васъ смущаетъ шумная агитація, извѣстные слова, которыя представляютъ здѣсь злобу дня, но насъ, Временное Правительство, они не смущаютъ. Мы вѣримъ въ разумъ, въ твердую волю народа — идти къ спасенію, а не къ гибели, ибо никто не можетъ желать своей гибели. Мы вѣримъ, что восторжествуютъ созидательныя задачи, а не отдѣльные партійныя лозунги.

Вы спрашивали о 8-часовомъ рабочемъ днѣ. Временное Правительство считаетъ, что 8-часовой рабочій день долженъ быть нормой работы для всѣхъ трудящихся и всего рабочаго класса, но задачи обороны требуютъ напряженія всѣхъ силъ. Поэтому 8-часовой рабочій день не означаетъ сокращенія продуктивности труда, такъ какъ рабочіе согласились на сверхъурочныя работы для обезпеченія арміи всѣмъ необходимымъ для нея.

Если мы не даемъ сейчасъ арміи всего, что ей нужно въ полномъ объемѣ, то не потому, что не хотимъ, а потому, что не можемъ. Старая же власть могла дать все, но не хотѣла.

Старая власть оставила все въ разстроенномъ видѣ: уголь исчезъ съ рынка, металлы исчезли, и населеніе голодало. Деньги теряли силу, нація бѣднѣла, и это вызывало дороговизну. Въ такомъ видѣ мы получили старое наслѣдство, но мы все-таки взяли власть, потому что вѣрили, что народъ пойметъ невозможность новой власти создать сразу все изъ ничего, вѣрили, что народъ, сдѣлавшись хозяиномъ, будетъ работать самъ въ пониманіи государственныхъ нуждъ. Если армія не получаетъ еще всего, то, во всякомъ случаѣ, уже получаетъ больше, чѣмъ при старомъ режимѣ.

Теперь о наиболѣе волнующемъ вопросѣ—о землѣ. Землю и волю народъ долженъ получить въ полномъ объемѣ. Но до созыва Учредительнаго Собранія никто не смѣетъ брать на себя рѣшеніе этого огромнаго вопроса. Временное Правительство лишь издаетъ законъ, пріостанавливающий распоряженіе частной земельной собственностью въ чрезвычайныхъ предѣлахъ.

Завѣряю васъ, что вопросъ о землѣ не будетъ разрѣшенъ безъ согласія фронта, что ни одинъ аршинъ земли не будетъ переданъ кому-либо до тѣхъ поръ, пока не скажетъ свое слово весь народъ и особенно армія, которой въ этомъ вопросѣ принадлежитъ преимущественное право и рѣшающее слово, ибо армія проливала свою кровь за народъ, за свободу и землю.

Мы много столѣтій привыкли ждать, ничего не получая, а теперь хотимъ все получить, не ожидая ни одного дня.

Превратить азіатскую монархію въ самую, быть-можетъ, совершенную республику на свѣтѣ—эта задача не можетъ быть рѣшена въ нѣсколько дней.

Но мы достигнемъ этой цѣли. Стремясь къ ней всѣми силами, мы должны однако остерегаться въ нашемъ разбѣгѣ перескочить черезъ цѣль, иначе цѣль можетъ оказаться позади насъ. Помните, что окончательный результатъ зависитъ отъ нашей выдержки и хладнокровія.

Васъ не должны смущать разговоры о контръ-революціи. Никакая контръ-революція невозможна, ибо нѣтъ безумца, который рѣшился бы возстать противъ воли всей арміи, всего крестьянства, всей рабочей демократіи, противъ желанія Россіи. А если бы кто и попытался возстать, то гдѣ онъ найдетъ сторонниковъ: ружья не будутъ стрѣлять, поѣзда не будутъ ходить—и безумная попытка не выйдетъ изъ кабинета на улицу, а если выйдетъ, то въ тотъ же моментъ отъ безумцевъ ничего не останется.

Люди, знающіе себѣ цѣну, смѣло идутъ впередъ, ничего не боясь, не оскорбляя себя подозрѣніями, что кто-то сможетъ сдѣлать ихъ снова рабами.

Мы достигнемъ всего, если сумѣемъ дать отпоръ единственной опасности, которая существуетъ. Дать отпоръ тѣмъ, кто захочетъ протянуть руку извнѣ и оттуда помочь притаившейся реакціи, кто захочетъ, разбивъ фронтъ, разбить свободу.

Первое слово о войнѣ, сказанное Временнымъ Правительствомъ, было отказомъ отъ захватовъ, отъ грабительскихъ цѣлей, отъ того, что называется имперіализмомъ, но мы требуемъ,—и кто не услышитъ этого требованія?—заставимъ признать,—что мы имѣемъ право на свободную жизнь, на свое мѣсто въ мірѣ, котораго никому не отдадимъ.

Пусть не думаютъ, что свободная Россія значитъ—распадъ, что демократія—значитъ разложеніе и анархія. Кто такъ думаетъ, тотъ ошибается и уже ошибся. Поэтому вернитесь на фронтъ и исполните свой долгъ, очень тяжелый, почти невыносимый, а мы все сдѣлаемъ, чтобы ужасная бойня скорѣе окончилась, но окончилась достойно свободного народа, окончилась такъ, чтобы нынѣшняя война была послѣдней.

Если до сихъ поръ враги могли говорить, что они ведутъ войну за свободу, такъ какъ съ востока имъ несутъ нагайку и кнутъ, то теперь они должны знать, что съ востока имъ несутъ братство и миръ. Мы должны защищать свою страну, какъ очагъ демократической свободы для насъ, для Европы, для всего міра.

Ни одинъ солдатъ, ни одинъ матросъ ни въ одномъ государствѣ не имѣетъ тѣхъ правъ, которыя имѣете вы. Внѣ строя вы вполнѣ свободны. Но большія права налагаютъ и большія обязанности. У меня нѣтъ сомнѣній, что вы эти обязанности, свой долгъ передъ государствомъ и демократіей исполните“.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь представители арміи, глубоко взволнованные, заявили:

— „Наша вѣра, съ которой мы пріѣхали, была предчувствіемъ. Послѣ вашей рѣчи она превратилась въ твердое сознаніе, въ увѣренность. Помогай вамъ Богъ, армія поможетъ вамъ“.

Какое впечатлѣніе производить А. Ф. Керенскій, какъ ораторъ и человѣкъ, можно видѣть изъ одного довольно удачнаго газетнаго отчета о посѣщеніи бывшимъ лидеромъ трудовиковъ А. Ф. Керенскимъ съѣзда трудовиковъ въ Петроградѣ:

„Вчера, 7-го апрѣля, въ бѣлый залъ арміи и флота, со сводчатыми коридорами, трудовики собирались медленно, просачиваясь по каплѣ,—разсказывается въ отчетѣ.

Цѣлый часъ—сверхъ срока.

Наконецъ засѣданіе открыто. Рѣчи какія-то прѣсныя, громкіе звуки, внѣшній паѳосъ.

Уходятъ, зѣваютъ,—поскорѣ бы...

И вдругъ, какъ громъ среди удушливой атмосферы, въ залъ входитъ... нѣтъ... вбѣгаетъ господинъ средняго роста, бритый блондинъ, съ высокимъ лбомъ, коротко стриженный, въ рабочей черной курткѣ. Онъ—весь порывъ, непосредственность, страсть. Едва поспѣваетъ за нимъ высокій молодой адъютантъ, офицеръ съ аксельбантами. Громъ аплодисментовъ. Это—Керенскій, бывший предсѣдатель трудовой парламентской фракціи.

Онъ стоитъ на эстрадѣ, за длиннымъ столомъ президіума. Громъ не умолкаетъ. Онъ начинаетъ говорить.

Говоритъ громко, ясно, съ какой-то сдерживаемою страстью, съ мощью давно сложившихся убѣжденій. Это—трибунъ, опредѣленный, властный, ясный. Онъ любитъ толпу,—онъ любимъ ею.

Когда онъ слушаетъ, глаза опущены внизъ; работа мысли продолжается. И когда говоритъ, часто опускаетъ глаза. Будто углубляется въ себя и въ горячемъ сердцѣ находитъ прекрасныя слова и въ душѣ, чистой и пылкой, чреватая событіями мысли.

И сразу всѣмъ становится яснымъ, для чего существовала трудовая партія,—народническое движеніе, съ примѣсью социализма,—и какова ея будущность. Пять лѣтъ Керенскій пробылъ въ Трудовой Группѣ, и теперь онъ привѣтствуетъ съѣздъ трудовиковъ и благодаритъ за отношеніе, которое окружало его. Опытъ этой совмѣстной работы,—его, социалиста-революціонера, съ трудовиками,—Керенскій считаетъ

весьма знаменательнымъ для всего дѣла русской и міровой демократіи. Это и признакъ того, что всѣ народническія теченія съ разными социалистическими оттѣнками должны неминуемо слиться воедино, ибо всѣ имѣють единую цѣль— благо всего народа.

— „Товарищи-трудовики!..—голосъ Керенскаго чуть-чуть вибрируетъ.—Эти пять лѣтъ останутся неизгладимымъ слѣдомъ въ моей жизни... Куются сейчасъ судьбы на столѣтія. Земля и воля—вотъ главный мудрый народовольческій лозунгъ для крестьянской Россіи. Но главная цѣнность нашего строительства, это—**безграничное преклоненіе передъ человѣкомъ и его личностью...** Мы должны сумѣть создать государство, построенное на двухъ принципахъ: трудъ и человѣкъ“...

Его товарищъ по соц.-рев. партіи, А. Гизетти, блѣдный, весь полный бурной энергіи, которая выражается въ страстно стиснутыхъ и сильныхъ рукахъ, говорилъ о томъ, что недалеко время, быть-можетъ, когда на Руси будетъ **одна всероссійская социалистическая партія**, въ которую войдутъ социалисты-революціонеры, социаль-демократы, трудовики, народные социалисты, пролетарскія и крестьянскія массы и демократическая интеллигенція.

Что-то докладываетъ предсѣдатель.

Керенскій выходитъ вбокъ и быстро идетъ боковой колоннадой коридора къ выходу.

Вскакиваютъ всѣ, и разражается громъ аплодисментовъ, прерывая предсѣдателя на полусловѣ.

Изъ обѣденныхъ залъ Арміи и Флота бросаются по лѣстницѣ постороннія съѣзду лица...

На помпезной лѣстницѣ Арміи и Флота живыя группы восторгомъ объятыхъ людей. Юноши и дѣвушки безъ шапокъ и пальто выскочили на улицу: провожаютъ Керенскаго“.

Это описаніе даетъ довольно вѣрный портретъ А. Ф. Керенскаго.

Бурный и порывистый въ движеніяхъ и рѣчахъ, онъ весь—огонь, весь революціонное чувство. Близкіе друзья говорятъ про него: „не ходитъ, а бѣгаетъ; не говоритъ, а стрѣляетъ“.

Таковъ внѣшній образъ, фотографія.

Но фотографія не въ силахъ передать А. Ф. Керенскаго.

Постоянная внутренняя работа мысли, неустанное горѣние чувства, любовное и честное отношеніе къ народу, во всемъ его цѣломъ,—и особенно къ демократіи,—вотъ штрихи для „внутренняго“ его портрета, для портрета души А. Ф. Керенскаго.

Выраженіе и даже цвѣтъ его лица быстро мѣняются подъ вліяніемъ душевныхъ переживаній: онъ быстро старѣетъ и молодѣетъ, темнѣетъ и свѣтлѣетъ, въ зависимости отъ печальныхъ и радостныхъ фактовъ русской революціи.

Значить, въ чемъ же заключается тайна вліянія А. Ф. Керенскаго?

Прежде всего—въ его личности.

Кристалльно-чистый, честный и искренній въ своей общественной дѣятельности; скромный и деликатный до застѣнчивости въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ; и въ то же время убѣжденный, страстный, самоотверженный борецъ за народное счастье, борецъ, которому ничего не нужно для себя, и все нужно для народа,—А. Ф. Керенскій умѣетъ заглянуть въ самую душу народа, всколыхнуть въ ней своими рѣчами все таящееся великое и святое, слиться самъ съ ней въ творческомъ процессѣ и тѣмъ навсегда притянуть ее къ себѣ.

— „Безграничное преклоненіе передъ человѣкомъ и его личностью,—говоритъ Керенскій, —вотъ главная цѣнность нашего строительства“.

Безграничная любовь къ человѣку,—сказалъ бы я,—къ человѣку, какъ таковому, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни назывался, глубокая вѣра въ человѣка,—вотъ тайна обаянія строителя нашей новой, свободной, жизни—А. Ф. Керенскаго.

Х.

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ, КАКЪ МИНИСТРЪ ЮСТИЦИИ

Въ кабинетѣ министровъ для А. Ф. Керенскаго не было болѣе подходящаго портфеля, какъ портфель министра юстиціи.

Право и справедливость—синонимы „правды-истины“ и „правды-справедливости“.

„Правда-истина“ и „правда-справедливость“—моральная основа народническаго міровоззрѣнія, воспринятаго А. Ф. Керенскимъ отъ основоположниковъ народничества П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго.

Такъ, очевидно, думалъ и Исполнительный Комитетъ Государственной Думы, убѣждая А. Ф. Керенскаго войти въ министерство и принять въ немъ портфель министра юстиціи.

— „Господа, я счастливъ сказать вамъ,—говорилъ Милуковъ 2-го марта, обращаясь въ Екатерининскомъ залѣ къ собравшимся морякамъ, солдатамъ и гражданамъ,—что и общественность нецензурная тоже имѣетъ своего представителя въ нашемъ министерствѣ. Я только-что получилъ согласіе моего товарища А. Ф. Керенскаго занять постъ въ первомъ русскомъ общественномъ кабинетѣ. Мы безконечно рады были отдать въ вѣрныя руки этого общественнаго дѣятеля то министерство, въ которомъ онъ отдастъ справедливое возмездіе прислужникамъ стараго режима, всѣмъ этимъ Штюмерамъ и Сухомлиновымъ. Трусливые герои дней, прошедшихъ навѣки, по волѣ судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиціи, а министерства юстиціи А. Ф. Керенскаго“.

И вотъ какъ А. Ф. Керенскій изложилъ свою первую программу,—программу перваго народнаго министра юстиціи отъ революціи.

— „Первымъ актомъ новаго правительства является немедленное опубликованіе акта о полной амнистіи. Наши товарищи-депутаты второй и четвертой Гос. Думы, незаконно сосланные въ тундры Сибири, будутъ немедленно освобождены и съ особымъ почетомъ привезены сюда.

Товарищи, въ моемъ распоряженіи находятся всѣ бывшіе председатели Совѣта Министровъ и всѣ министры стараго режима. Они отвѣтятъ, товарищи, за всѣ преступленія передъ народомъ, согласно закону (возгласы: „Казнить ихъ!“).

Товарищи, свободная Россія не будетъ прибѣгать къ тѣмъ позорнымъ средствамъ борьбы, которыми пользовалась старая власть.

Безъ суда никто подвергнуть наказанію не будетъ. Всѣхъ будетъ судить гласный народный судъ. Товарищи, солдаты и граждане, всѣ мѣры, которыя будутъ приняты новымъ правительствомъ, будутъ опубликованы“.

Первыя распоряженія гражданина А. Ф. Керенскаго, какъ министра юстиціи, были: приказъ „о немедленномъ и полномъ освобожденіи членовъ Государственной Думы Петровскаго, Муранова, Бадаева, Шагова и Самойлова и объ обезпеченіи имъ почетнаго возвращенія въ Петроградъ“, и затѣмъ обращеніе во всѣ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ съ просьбой „принять посильное участіе въ установленіи истиннаго правосудія въ нашей родинѣ и въ поднятіи его на высоту, соотвѣтствующую величію народа и важности историческаго момента“.

3-го марта А. Ф. Керенскимъ поручено было академику Котляревскому вывезти изъ департамента полиціи всѣ бумаги и документы, какіе онъ найдетъ нужнымъ, и помѣстить ихъ въ Академіи Наукъ.

3-го же марта А. Ф. распорядился о предоставленіи „Бабушкѣ русской революціи“, Е. К. Брешко-Брешковской, возможности скорѣйшаго возвращенія въ Петроградъ.

4-го марта А. Ф. Керенскій вступилъ въ фактическое управленіе министерствомъ юстиціи.

Принимая представителей вѣдомства, новый министръ обратился къ своимъ сослуживцамъ съ такой рѣчью:

— „Господа, я принялъ отъ Исполнительнаго Комитета Гос. Думы постъ министра юстиціи,—постъ блюстителя права и законности въ странѣ. До сихъ поръ эта высокая обязанность превращалась слугами стараго режима въ издѣвательство надъ правомъ. Эти высокія понятія значились здѣсь лишь на бумагѣ. Теперь они будутъ выявлены во всей полнотѣ въ дѣйствиіи. Даю слово, что, когда я оставлю постъ министра юстиціи, ни одинъ злѣйшій врагъ новой свободной Россіи не осмѣлится сказать, что и во время управленія министерствомъ Керенскимъ право, законность и справедливость оставались въ этомъ вѣдомствѣ пустыми словами.“

Вотъ моя программа. Она коротка для изложенія и титанически громаднa для осуществленія.

Пусть каждый изъ васъ спросить свою совѣсть, можетъ ли онъ искренно взяться за трудъ по осуществленію этой программы, и, въ зависимости отъ отвѣта, пусть приметъ то или иное рѣшеніе о сотрудничествѣ со мной. Я говорю о сотрудничествѣ и особенно подчеркиваю это слово, такъ какъ отнынѣ здѣсь никакихъ чиновъ и титуловъ среди насъ быть не должно“.

Въ заключеніе А. Ф. Керенскій обратился къ низшимъ служащимъ и просилъ ихъ немедленно организовать въ цѣляхъ дружной работы и обезпеченія ихъ политическихъ и профессиональныхъ интересовъ.— „Впредь—закончилъ министр,—никто не долженъ быть назначаемъ на какую-либо должность безъ вашего общаго на то согласія“.

И въ два мѣсяца, которые провелъ А. Ф. Керенскій въ министерствѣ юстиціи, онъ показалъ, что онъ можетъ не только говорить о созидательной работѣ, но и дѣлать эту работу.

Вотъ краткій официальный перечень того, что сдѣлано А. Ф. Керенскимъ, какъ министромъ юстиціи,—конечно, при помощи своихъ ближайшихъ сотрудниковъ,—за два протекшихъ мѣсяца революціи.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОСЛѢДОВАВШІЯ ПО ПРЕДСТАВЛЕНІЯМЪ МИНИСТРА ЮСТИЦІИ.

І. Утвержденные.

1. 6 марта 1917 г. Объ амнистіи (собр. узак. ст. 346).

2. 6 марта 1917 г. О сокращеніи срока заключенія лицамъ, содержащимся подъ стражею по приговорамъ судебныхъ мѣстъ за общеуголовныя преступныя дѣянія и находящимся нынѣ въ бѣгахъ или освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія не по распоряженію подлежащихъ властей, въ

случаѣ ихъ добровольнаго возвращенія въ мѣста заключенія (собр. узак. ст. 347).

3. 4 марта 1917 г. О недѣйствительности состоявшихся послѣ утвержденія закона 26 декабря 1916 года о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ и въ порядкѣ производства дѣлъ Департаментовъ Правительствующаго Сената назначеній сенаторовъ, присутствующихъ въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената (собр. узак. ст. 350).

4. 4 марта 1917 г. Объ учрежденіи особой слѣдственной Комиссіи для разслѣдованія противозаконныхъ дѣйствій сенаторовъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената при разсмотрѣніи дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ (собр. узак. ст. 351).

5. 10 марта 1917 г. О временномъ возложеніи на членовъ Петроградскаго Окружнаго Суда обязанностей мировыхъ судей въ предѣлахъ Петроградскихъ столичнаго и уѣзднаго судебно-мировыхъ округовъ (собр. узак. ст. 357).

6. 11 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ правила о предоставленіи на усмотрѣніе верховной власти судебныхъ приговоровъ въ случаяхъ указанныхъ въ ст. 945 Уст. Угол. Суд. (собр. узак. ст. 359).

7. 4 марта 1917 г. Объ упраздненіи Верховнаго уголовного суда и особыхъ присутствій Правительствующаго Сената, судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ съ участіемъ словныхъ представителей (собр. узак. ст. 361).

8. 4 марта 1917 г. Объ учрежденіи чрезвычайной слѣдственной комиссіи для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ, главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ (собр. узак. ст. 362).

9. 11 марта 1917 г. О чрезвычайной слѣдственной комиссіи для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ, главноуправляющихъ и прочихъ высшихъ должностныхъ лицъ, какъ гражданскаго, такъ военнаго и морскаго вѣдомства (собр. узак. ст. 363).

10. 11 марта 1917 г. О возвращеніи залогодателямъ и поручителямъ суммъ и залоговъ, обезпечившихъ явку къ слѣд-

ствію и суду лицъ обвинявшихся въ дѣяніяхъ, означенныхъ въ Указѣ Временнаго Правительства отъ 6 марта 1917 г. объ амнистіи (собр. узак. ст. 364).

11. 17 марта 1917 г. Объ установленіи временнаго мораторія въ г. Петроградѣ (собр. узак. ст. 374).

12. 12 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ смертной казни (собр. узак. ст. 375).

13. 17 марта 1917 г. О новомъ изложеніи ст. 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (собр. узак. ст. 376).

14. 17 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ для ссыльно-поселенцевъ и арестантовъ наказанія розгами, наложенія оковъ и надѣванія смирительной рубашки (собр. узак. ст. 377).

15. 17 марта 1917 г. Объ облегченіи участи лицъ, совершившихъ уголовныя преступленія (собр. узак. ст. 386).

16. 20 марта 1917 г. О пріостановленіи дѣйствія Указа 4 марта 1917 г. объ упраздненіи особыхъ судовъ (собр. узак. ст. 389).

17. 20 марта 1917 г. Объ условіяхъ занятія должностей по судебному вѣдомству (собр. узак.).

18. 20 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ правила о пріостановленіи оправдательныхъ приговоровъ окружныхъ судовъ въ Кавказскомъ краѣ, Сибири, Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ, въ случаѣ заявленнаго о семъ прокуроромъ требованія (собр. узак. ст. 391).

19. 20 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ вѣроисповѣдныхъ и національных ограниченій (собр. узак. ст. 400).

20. 23 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ положенія Совѣта Министровъ отъ 31-го января 1916 г. объ установленіи уголовной отвѣтственности за посягательства на нижнихъ чиновъ собственнаго его величества своднаго пѣхотнаго полка (собр. узак. ст. 435).

21. 25 марта 1917 г. Объ образованіи Комиссіи для возстановленія основныхъ положеній Судебныхъ Уставовъ и согласованія ихъ съ происшедшей перемѣной въ государственномъ устройствѣ и объ учрежденіи Временнаго Высшаго Дисциплинарнаго Суда (собр. узак. ст. 438).

22. 30 марта 1917 г. О производствѣ платы комитетамъ и отдѣленіямъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ на содержаніе и лѣченіе заключенныхъ въ тюремныхъ больницахъ (собр. узак. ст. 443).

23. 31 марта 1917 г. Объ уполномочіи Московскихъ городскихъ мировыхъ судей на разборъ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомыхъ участковымъ земскимъ начальникамъ Московской губерніи (собр. узак. ст. 446).

24. 30 марта 1917 г. Объ отнесеніи дѣлъ о преступленіяхъ по должности, подлежащихъ разсмотрѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда, къ вѣдомству Кассационныхъ Департаментовъ Сената (собр. узак. ст. 456).

25. 7 апрѣля 1917 г. Объ измѣненіи постановленія Временнаго Правительства, отъ 17 марта 1917 г., объ облегченіи участи лицъ, совершившихъ уголовныя преступленія (собр. узак. ст. 464).

26. 5 апрѣля 1917 г. О разрѣшеніи укрѣпленія на имя Комитета по управленію мѣстностью „Лигово“ пожертвованнаго этому Комитету землевладѣльцемъ Борисомъ Константиновичемъ Полежаевымъ участка земли (собр. узак. ст. 469).

27. 8 апрѣля 1917 г. Объ учрежденіи новой должности чиновника особыхъ порученій VI класса при Министерствѣ Юстиціи (собр. узак. ст. 477).

28. 11 марта 1917 г. О пріостановленіи протестовъ и принятія мѣръ взысканія по векселямъ (собр. узак. ст. 485).

29. 11 марта 1917 г. О пріостановленіи предъявленія исковъ о платежѣ денежныхъ суммъ и о принятіи мѣръ взысканія послѣднихъ по всѣмъ договорнымъ обязательствамъ, возникшимъ до 17 іюля 1914 г. (собр. узак. ст. 486).

30. 7 апрѣля 1917 г. Объ учрежденіи при Главномъ Тюремномъ Управленіи пенитенціарныхъ курсовъ (собр. узак. ст. 489).

31. 11 апрѣля 1917 г. Объ уголовной и гражданской отвѣтственности служащихъ (собр. узак. ст. 492).

32. Объ отмѣнѣ ссылки.

33. Объ обществахъ и союзахъ.

34. 23 марта 1917 г. Объ отмѣнѣ положенія Совѣта Министровъ о наказуемости лицъ, принадлежащихъ къ составу общественныхъ и частныхъ организацій, учрежденныхъ для удовлетворенія вызываемыхъ войною потребностей, за совершенныя ими лицами при исполненіи своихъ обязанностей дѣянія, заключающія въ себѣ признаки подлога, мздоимства, лихоимства и особыхъ злоупотребленій по подрядамъ и поставкамъ (собр. узак. ст. 455).

35. Объ образованіи комиссіи для разсмотрѣнія дѣлъ о помилованіи.

II. Представленные.

1. О преобразованіи мѣстнаго суда.
2. Объ измѣненіяхъ въ учрежденіи сената.
3. О порядкѣ регистраціи обществъ и союзовъ.
4. Объ отмѣнѣ чрезвычайной и усиленной охраны.
5. О допущеніи профессоровъ къ занятію должностей по судебному вѣдомству.
6. Объ учрежденіи 3-й должности Товарища Министра Юстиціи.
7. О порядкѣ выборовъ въ Кіевскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.
8. Объ отмѣнѣ задержанія за долги несостоятельныхъ должниковъ.
9. О скупкѣ желѣзнодорожныхъ билетовъ.

III. Изготавлиющіяся.

1. Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей.
2. О возстановленіи сгорѣвшихъ дѣлъ Петроградскаго Окружнаго суда.
3. Объ учрежденіи административныхъ судовъ.
4. О подсудности исковъ къ страховымъ товариществамъ.

Итакъ, 60 приказовъ и законодательныхъ актовъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ работы, въ среднемъ, по два законодательныхъ акта въ день.

О гуманности этихъ актовъ едва ли приходится говорить — чазванія ихъ говорятъ сами за себя.

Необходимо еще отмѣтить то рыцарство, — при твердости въ соблюденіи законности, — которое проявлялъ А. Ф. Керенскій по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ.

— Во всей своей дѣятельности, — говоритъ уже упоминавшійся у насъ С. Маркъ, — А. Ф. Керенскій проявилъ себя все тѣмъ же гуманнымъ человѣкомъ.

На-дняхъ одинъ сенаторъ съ восторгомъ отзывался о созидательной работѣ А. Ф. Керенскаго, какъ министра юстиціи.

— А слезы старика Горемыкина при видѣ рыцарскаго отношенія А. Ф. Керенскаго къ своимъ политическимъ противникамъ?.. Это развѣ не лучшее свидѣтельство великодушія, справедливости и благородства Керенскаго? — говорилъ сенаторъ.

Но помимо дѣлъ, относящихся прямо къ министерству юстиціи, А. Ф. Керенскому приходилось, если не разрѣшать, то направлять и разныя другія дѣла, — дѣла, часто совершенно не имѣющія никакого отношенія къ кругу дѣлъ министра юстиціи.

Вотъ какъ описываетъ съ натуры извѣстный писатель Танъ одинъ изъ пріемовъ у А. Ф. Керенскаго:

„86 человѣкъ въ пріемной, не считая депутацій. Судейскіе чины новаго штатскаго вида, безъ всякихъ мундировъ; солдаты въ мундирахъ; жены арестованныхъ сановниковъ; пришедшія съ различными просьбами барышни, студенты.

На лѣстницѣ давка. Въ дверяхъ не протолкаешься. На лифтѣ плакать: „Да здравствуетъ правый и милостивый судъ м-ва юстиціи и сената!“...

Пріемъ официально назначенъ два раза въ недѣлю, но на дѣлѣ пріиходитъ ежедневно. А. Ф. Керенскій ежедневно отрываетъ отъ своего времени часъ или два, чтобы принять, обойти всю эту длинную очередь, у каждаго выпросить

сущность его жалобы или просьбы, отвѣтить хоть въ краткихъ словахъ, записать, обѣщать.

Не устраивать приѣма ежедневно нельзя. Иначе произойдетъ то, что приходится на углу Литейнаго и Невскаго, когда на 15 минутъ задержались вагоны трамвая.

Сколько работаетъ Керенскій? Трудно отвѣтить. Точнѣе всего сказать: 24 часа въ сутки, за вычетомъ того, что нужно урвать на сонъ, на ѣду, лишь бы не упасть на ходу, лишь бы попрежнему ходить по этимъ огромнымъ покоемъ, изъ-за каждой колонны которыхъ все еще выглядываетъ призракъ Щегловитова. Трудно поправить въ нѣсколько недѣль то, что Щегловитовъ и другіе надѣлали въ нѣсколько десятилѣтій.

„Керенскій идетъ“...

Вотъ онъ является, съ обычно усталымъ лицомъ. На немъ все та же куртка, знакомая публикѣ. Правая рука на перевязи. Это результатъ дружескихъ рукопожатій во время одной изъ поѣздокъ по фронту демократіи.

Теперь приходящіежимаютъ ему лѣвую руку; писать же ему поневолѣ приходится правой, забинтованной.

Керенскій проходитъ въ кабинетъ.

— Депутація сперва, — предлагаетъ онъ одному изъ своихъ секретарей.

Дверь открывается. Являются пятеро: студентъ, военный чиновникъ, три дамы. У каждого изъ членовъ депутаціи пятиконечная звѣзда въ петлицѣ.

— Товарищъ, гражданинъ, министръ, — начинаетъ порывисто студентъ, — позвольте привѣтствовать васъ отъ имени социалистовъ-эсперантистовъ... Это эсперантисты. Пятиконечная звѣзда, это — символъ союза эсперантовъ. Но „социалисты-эсперантисты“—это сочетание, новое для слуха...

Съ безконечнымъ терпѣніемъ, съ какимъ-то особеннымъ участливымъ вниманіемъ, свойственнымъ только ему одному, А. Ф. Керенскій выслушиваетъ привѣтственную рѣчь.

Эсперантисты одинъ за другимъ излагаютъ ему свои соображенія о томъ, что для успѣховъ демократіи необходимо немедленно ввести въ курсъ учебныхъ заведеній международный языкъ эсперанто.

А. Ф. Керенскій мягко указывает имъ, что, во-первыхъ, это касается больше министра народнаго просвѣщенія, а во-вторыхъ, что для осуществленія этого проекта нужно, конечно, вызвать сочувствіе къ нему среди широкихъ слоевъ населенія Россіи.

Въ сущности, это отказъ, но социалисты-эсперантисты уходятъ все-таки утѣшенные, очарованные.

Дверь закрывается. Керенскій взглядываетъ на насъ гѣмъ же усталымъ, безропотнымъ взглядомъ.

Дверь отворяется снова, входятъ двѣ очень серьезныя съ виду фигуры, въ черныхъ блузахъ, съ черными галстуками. Это депутація отъ партіи анархистовъ. Они явились не съ просьбой, а съ требованіемъ, и разговаривать съ ними труднѣе, чѣмъ съ социалистами-эсперантистами.

Но А. Ф. Керенскій съ тою же осторожною и вмѣстѣ откровенною мягкостью напоминаетъ имъ о Крапоткинѣ и объ общихъ духовныхъ предкахъ социализма и анархизма, и въ концѣ концовъ требованіе ихъ разрѣшается компромиссомъ, и они уходятъ удовлетворенные и въ разговорѣ называютъ министра юстиціи товарищемъ Керенскимъ.

Третья депутація. Инородцы, реквизированные старымъ режимомъ и отпущенные домой на полевые работы. Сарты въ тюбетейкахъ и халатахъ, подвижные, экспансивные. Огромные текинцы въ чудовищныхъ шапкахъ изъ черной овчины, медлительные и важные, словно живые монументы. Они представители двухъ тысячъ товарищей. Ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ни слова по-русски. Съ ними переводчикъ изъ турецкой интеллигенціи, толковый, вразумительный, совсѣмъ не такой переводчикъ, какіе бывали при старомъ режимѣ.

Сарты и текинскіе туркмены просятъ о содѣйствіи къ скорѣйшей отправкѣ на родину. А. Ф. Керенскій немедленно удовлетворяетъ ихъ просьбу и дѣлаетъ отмѣтку на прошеніи собственноручно, той же забинтованной рукой.

Они благодарятъ, прикладывая ладони къ сердцу, и самый экспансивный изъ сартовъ даже нагибается затѣмъ, чтобы облобызать милостивую руку министра, но, кажется, не можетъ выбрать, которую именно. А. Ф. отдергиваетъ руку.

А. Ф. выходитъ изъ кабинета и начинаетъ обходить просителей.

„Какая смѣсь именъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“...

— Нельзя ли перевести моего мужа въ частную лечебницу Режимъ Петропавловской крѣпости суровъ для него“?..

— Не мы устанавливали этотъ режимъ, — сдержанно возражаетъ А. Ф. — Мы, напротивъ, насколько возможно, смягчили его.

— Но вѣдь мой мужъ подслѣдственный, а въ крѣпость раньше сажали только осужденныхъ...

Дама заблуждается, конечно: въ крѣпость сажали подслѣдственныхъ и даже административныхъ, но полемизировать съ нею бесполезно. Она переживаетъ, — увы! — отбываніе той политической повинности, которую раньше отбывали на Руси столько другихъ женъ и другихъ матерей.

— Я никакъ не думалъ, что это такъ ужасно, — сказалъ Н. А. Маклаковъ, просидѣвъ въ Петропавловской крѣпости первые нѣсколько дней.

— Слѣдствіе быстро подвигается впередъ, — высказываетъ А. Ф. единственное мыслимое утѣшеніе, — мы работаемъ надъ нимъ со всей возможной энергіей.

Осетинскій офицеръ жалуется на растрату капиталовъ осетинскаго народа однимъ изъ генераловъ стараго режима. Въ связи съ этимъ дѣломъ онъ былъ, между прочимъ, высланъ съ родины и отправленъ на фронтъ.

Представитель одного изъ уѣздныхъ комитетовъ излагаетъ проектъ организациі мѣстнаго суда, который они уже собираются вводить.

— Но не можетъ же каждый уѣздъ вводить у себя особый видъ суда, — слегка возражаетъ А. Ф.

Представителю другого уѣзда онъ дѣлаетъ мягкое внушеніе за то, что они ввели у себя не республику, а „сверхреспублику“, и не исполняютъ распоряженій, идущихъ изъ центра.

Я ждалъ упорныхъ возраженій, но, къ моему удивленію, представитель „сверхреспубликанскаго“ уѣзда оказался внимательнымъ и даже сговорчивымъ. А. Ф. какъ-то умѣетъ немногими словами подѣйствовать на cadaго.

Делегаты съ фронта, делегаты съ ближайшаго тыла, делегаты изъ Сибири...

Трудно быть министромъ революціонной Россіи, ликвидировать старое и пытаться строить новое. Не завидуйте ему“.

Почему именно у А. Ф. Керенскаго бываетъ такой наплывъ посѣтителей, объясняетъ другой журналистъ, М. Линскій, также побывавшій на приѣмѣ у министра-гражданина.

„Посѣтители А. Ф. Керенскаго искренно удивляются:

— Семижильный онъ какой-то этотъ „новый“: какъ онъ не устаетъ?

Задалъ такой вопросъ и я, спрашивая о томъ, „какъ живетъ и работаетъ“ А. Ф. Керенскій.

И вотъ что мнѣ сказали.

„Старый режимъ оставилъ Монбланъ несправедливостей. Столько обидъ накопѣло въ сердцахъ каждаго русскаго гражданина. И теперь, когда можно наконецъ открыть клапанъ и громко закричать о нихъ, тысячныя толпы устремились къ Керенскому.

Именно къ нему, а не къ другому. Ибо вся дѣятельность этого человѣка цѣликомъ заключалась въ помощи и совѣтѣ пострадавшимъ отъ несправедливостей“.

Вотъ и идутъ и идутъ къ „товарищу Керенскому“.

„Ему повѣмъ печаль свою“, — рѣшаютъ одни; другимъ просто хочется поговорить „по душамъ“ съ хорошимъ человѣкомъ, а третьихъ толкаетъ простое обывательское любопытство:

„Посмотрѣть хоть, что за человѣкъ“.

Секретарь А. Ф. Керенскаго В. В. Сомовъ съ отчаяньемъ всплеснулъ руками, когда я спросилъ его, преимущественно съ какими просьбами обращаются къ министру:

— Съ самыми разнообразными и съ самыми несуразными. Вчера, наприимѣръ, пришла одна дама и жалуется, что мужъ хочетъ бросить ее; вотъ она и намѣрена просить А. Ф., чтобы онъ повліялъ на него...

Это, конечно, курьезно, но это характерно. Такъ ужъ прочно представленіе о Керенскомъ, какъ о человѣкѣ, необыкновенно отзывчивомъ ко всякому горю и обидѣ, что

онъ можетъ если не исцѣлить личную боль каждого, то хоть успокоить ее.

И вотъ доказательство такой популярности:

По сообщенію газетъ въ первый же пріемный день А. Ф. у министерства юстиціи образовались буквально хвосты. Пріемъ начался въ 9 часовъ утра, а закончился въ 4-мъ часу дня, при чемъ списокъ полностью не былъ еще исчерпанъ.

Теперь вы представляете себѣ, какую гигантскую работу дѣлаетъ гражданинъ Керенскій?..“

И не только днемъ онъ принимаетъ, но и ночью. Дневные пріемы не исчерпываютъ всѣхъ желающихъ говорить съ министромъ юстиціи. Необходимые и неотложные пріемы назначаются въ 11, 12, даже въ часъ ночи. Бесѣды-доклады ближайшихъ сотрудниковъ А. Ф. Керенскаго обыкновенно происходятъ за завтракомъ, за обѣдомъ и даже у постели министра: другого времени взять у министра-товарища они не могутъ. Первые дни революціи А. Ф. совсѣмъ не спалъ, задремывалъ только на нѣсколько минутъ въ креслѣ, но и теперь онъ спитъ не болѣе 5-6 часовъ въ день.

Онъ, — человѣкъ слабой физической организаціи, живущій съ одной почкой, — ведетъ такую трудовую жизнь, при которой рабочій день въ 16 часовъ кажется ему недосягаемымъ идеаломъ.

Да, революція не щадитъ своихъ любимцевъ, — она жжетъ свои пылающіе факелы съ обоихъ концовъ.

Но не это волнуетъ А. Ф. Керенскаго. Если бы онъ не былъ скромнень, онъ бы могъ сказать о себѣ словами Петра Великаго: „а о мнѣ вѣдайте, что жизнь мнѣ не дорога, благоденствовала бы только Россія“.

Тотъ, который принадлежитъ къ политической партіи героевъ, готовыхъ въ любой моментъ отдать, — и отдававшихъ свою жизнь за счастье народа, — не будетъ трястись, какъ щедринскій пескаръ, за свою жизнь. О послѣднемъ покушеніи на свою жизнь А. Ф. забылъ рассказать даже своей женѣ Ольгѣ Львовнѣ. И, когда она деликатно упрекнула его въ этомъ, онъ сказалъ:

— Всего не упомнишь... Вѣдь это пустяки... Очередное покушение... Теперь такъ много стало сумасшедшихъ...

А. Ф. Керенскаго волнуетъ другое.

Его волнуетъ настроеніе новой Россіи, споры и раздоры, происходящіе въ странѣ; отсутствіе здороваго чувства государственности, гражданственности и отвѣтственности передъ самими собою, передъ народомъ, передъ исторіей у многихъ гражданъ свободной Россіи. Разложеніе войскъ, когда внѣшній врагъ у воротъ Петрограда и уже оскалилъ свои желѣзные зубы на легкую добычу; призывы къ анархіи, къ грабежу во имя великихъ социалистическихъ принциповъ свободы, равенства, братства; нудные книжные споры книжниковъ-соціалистовъ о программномъ „азѣ“, о трехперстномъ или двоеперстномъ сложеніи, о двойной или тройной аллилуйѣ и т. п. буквоѣдскихъ мелочахъ нашихъ раскольниковъ-начетниковъ отъ социализма; неискренность поддержки своего „заложника“ со стороны той части демократіи, которая поддерживаетъ его „пинками въ спину“; нерѣшительность и вялость поддержки со стороны нелицемерныхъ его друзей, щелканье зубами у шакаловъ легкой наживы; наконецъ подземный, пока еще не слышный, но уже чутко ощущаемый гулъ грядущей черной реакціи,—вотъ что волнуетъ А. Ф. Керенскаго, вотъ что заставляетъ выгорать его душу.

— Я уже перестаю вѣрить въ восторженные крики людей, перестаю вѣрить въ ихъ присяги, въ ихъ клятвы,—говорилъ мнѣ какъ-то съ горечью А. Ф.—Говорятъ, вѣра безъ дѣлъ мертва есть, но и слова безъ дѣлъ мертвы, они—тоже пустой звукъ...

Вотъ почему 29-го апрѣля на съѣздѣ делегатовъ съ фронта у А. Ф. Керенскаго, въ отвѣтъ на обычные шумныя оваціи и крикъ: „Да здравствуетъ сынъ русской революціи!“ вырвался отчаянный крикъ.

Вотъ этотъ крикъ благороднаго, измученнаго сердца — иначе я не могу назвать эту историческую рѣчь А. Ф. Керенскаго.

— „Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ родилась русская свобода. Я пришелъ къ вамъ не для того, чтобы васъ привѣтствовать. Наше привѣтствіе было давно уже

послано вамъ въ окопы. Ваши боли и ваши страданія явились однимъ изъ мотивовъ всей революціи. Мы не могли больше стерпѣть той безумной и небрежной расточительности, съ которой проливалась ваша кровь старой властью. Эти два мѣсяца я считалъ, продолжаю считать и сейчасъ, что единственная сила, могущая спасти страну и вывести ее на свѣтлый путь, это есть сознаніе отвѣтственности каждого изъ насъ безъ исключенія за каждое слово и каждое дѣйствіе его. И вотъ вамъ, представителямъ фронта, я долженъ сказать:

„Мое сердце и душа сейчасъ не спокойны. Тревога охватываетъ меня, и я долженъ это сказать открыто, какія бы обвиненія ни бросили мнѣ въ лицо и какія бы послѣдствія отсюда ни проистекли“.

Товарищи солдаты и офицеры! Я не знаю хорошо, что вы чувствуете тамъ, въ окопахъ. Но я знаю, что происходитъ здѣсь. Можетъ-быть, близко время, когда мы скажемъ вамъ: мы не въ состояніи дать вамъ хлѣба въ томъ количествѣ, какого вы ждете, и снаряженія, на которое вы имѣете право рассчитывать, и это произойдетъ не по винѣ тѣхъ, кто два мѣсяца тому назадъ взялъ на себя формально и офиціально отвѣтственность передъ судомъ исторіи и лицомъ всего міра за честь и достоинство родины. Въ настоящее время положеніе русскаго государства сложно и трудно. Процессъ перехода отъ рабства къ свободѣ, конечно, протекаетъ не въ формѣ парада, какъ это бывало раньше. Это есть тяжелая, мучительная работа, связанная съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній, взаимныхъ непониманій, на почвѣ которыхъ даютъ свой пышный цвѣтъ сѣмена малодушія и недовѣрія, превращающія свободныхъ гражданъ въ людскую пыль. Въ настоящее время торжествомъ новыхъ людей, созданіемъ демократическаго государства въ Европѣ мы можемъ сыграть колоссальную роль въ міровой исторіи, если мы сумѣемъ другіе народы заставить пойти нашимъ путемъ, если мы заставимъ и нашихъ друзей и враговъ уважать нашу свободу. Но для этого нужно, чтобы они увидали, что съ идеями русской демократіи бороться невозможно. Этотъ путь мы можемъ пройти, лишь какъ организованное, сильное, вну-

шающее уваженіе и единое государственное тѣло. Если же мы, какъ недостойные рабы, не будемъ организованнымъ, сильнымъ государствомъ, то наступитъ мрачный, кровавый періодъ взаимныхъ столкновеній, и идеи наши будутъ брошены подъ каблукъ того государственнаго принципа, по которому сила есть право, а не—право — сила. Каждый изъ насъ, — отъ солдата до министра и отъ министра до солдата, можетъ дѣлать все, чтѣ хочетъ, но долженъ это дѣлать съ открытыми глазами и поставить служеніе общему выше частнаго.

Товарищи! Вы умѣли 10 лѣтъ терпѣть и молчать. Вы умѣли исполнять обязанности, которыя налагала на васъ старая ненавистная власть. Вы умѣли стрѣлять въ народъ, когда она этого требовала. А чтѣ же теперь — терпѣть вы не можете больше? Чтѣ же русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабовъ? (Сильное движеніе на всѣхъ скамьяхъ).

Я, товарищи, не умѣю и не знаю, какъ народу говорить неправду и какъ отъ народа скрывать правду“...

„Да здравствуетъ гордость Россіи!“ — въ страшномъ возбужденіи кричитъ какой-то солдатъ. (Бурные продолжительные аплодисменты).

„Я пришелъ къ вамъ потому, что силы мои на исходѣ, потому что я не чувствую прежней смѣлости... У меня нѣтъ прежней увѣренности, что передъ нами не взбунтовавшіеся рабы, а сознательные граждане, творящіе новое государство съ увлеченіемъ, достойнымъ русскаго народа“.

Керенскій выдерживаетъ нѣкоторую паузу и затѣмъ съ огромной силой продолжаетъ:

— „Я хочу вѣрить, чтѣ найдемъ выходъ изъ своего положенія и пойдемъ впередъ открытой и ясной дорогой демократическаго государства, что всю нашу многовѣковую культуру, все, что далъ намъ русскій геній, мы сумѣемъ бережно донести и отдать все это Учредительному Собранію, единому хозяину русской земли. Но для этого нужно не только вѣрить, но и найти въ себѣ желаніе дѣйствовать.“

Трудовые классы — вотъ кому мы готовимъ дорогу. И развѣ для насъ не ясно, что Учредительное Собраніе скажетъ: „земля трудовому народу, тому, кто трудится на ней“.

И прежде, чѣмъ колебать довѣріе къ тѣмъ, которые не только не имѣютъ грѣховъ старой власти, на рукахъ которыхъ нѣтъ ни одной капли народной крови, кто не сдѣлалъ ни одного жеста противъ трудового народа — нужно понять, что это вызываетъ радость лишь въ тѣхъ, кто не хочетъ дать народу землю. Они надѣются, что, можетъ-быть, черезъ кровь и смуту, имъ все же удастся вернуть дѣдовскую землю.

Остерегайтесь! Есть судъ людской — судъ исторіи. Бывали вѣдь въ прошломъ случаи, когда люди, которые были сильнѣе и выше насъ, падали подъ предательскими ударами за то, что они шли будто противъ трудового класса. Но всѣ эти убійства всегда были предвѣстниками возвращенія старыхъ тирановъ и деспотовъ.

Насталъ моментъ, когда каждый въ глубинѣ своей челоуѣческой совѣсти долженъ подумать, куда онъ самъ идетъ и куда онъ ведетъ другихъ, тѣхъ, кто по винѣ стараго правительства, державшаго народъ во тѣмѣ, всякое печатное слово до сихъ поръ принимаетъ за законъ. Съ этимъ элементомъ можно играть, но можно доигратъся и до плохихъ шутокъ.

Я пришелъ сюда не самъ — меня призвали. Я пришелъ сюда потому, что я сохранилъ за собою право говорить правду такъ, какъ я ее понимаю. Людей, которые и при старой власти шли открыто на смерть — этихъ людей не запугать! (Бурные аплодисменты).

Намъ говорятъ: не нужно больше фронта... тамъ происходитъ братаніе. Но развѣ братаніе происходитъ на два фронта? Развѣ на французскомъ фронтѣ тоже братаются? Нѣтъ, товарищи, брататься, такъ брататься должны обѣ стороны. Развѣ силы противника уже не переброшены на англо-французскій фронтъ, и развѣ наступленіе англо-французовъ уже не пріостановлено? У насъ нѣтъ русскаго фронта, а есть только единый союзный фронтъ (аплодисменты).

Мы идемъ къ миру, и я не былъ бы въ рядахъ Временнаго Правительства, если бы воля народа объ окончаніи этой

бойни не была бы задачей всего Временнаго Правительства, но есть пути и пути. Есть широкія открытыя дороги, но есть и темные и мрачные переулки, идя которыми можно потерять и честь и жизнь. Мы хотимъ приблизить конецъ братоубійственной бойни. Но къ этому концу надо итти открытымъ и явнымъ путемъ. Мы не собраніе усталыхъ людей, мы — государство. Есть пути. Они сложны и долги. Требуется громадная выдержка и спокойствіе. Если мы предлагаемъ новыя цѣли войны, то нужно, чтобы насъ уважали и враги и друзья. Человѣка безсильнаго никто не уважаетъ.

Я жалѣю, что не умеръ тогда, два мѣсяца назадъ, — я умеръ бы съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки взаимно уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ имъ управляли прежніе деспоты.

Вотъ все, товарищи, что я хотѣлъ сказать. Я могу, конечно, ошибаться. Быть-можетъ, я неправильно поставилъ діагнозъ болѣзни, но думаю, что я не такъ ужъ ошибаюсь, какъ, быть-можетъ, другимъ покажется. Мой діагнозъ: если сейчасъ не будутъ всѣми признаны трагизмъ и безвыходность положенія, если не поймутъ, что на всѣхъ лежитъ отвѣтственность, если нашъ государственный организмъ не будетъ дѣйствовать такъ же правильно, какъ хорошо прилаженный часовой механизмъ, тогда все, о чемъ мы мечтали, къ чему стремимся, будетъ отброшено еще на нѣсколько лѣтъ назадъ, а, можетъ-быть, и затоплено кровью...

Судьба страны въ вашихъ рукахъ, а страна въ великой опасности. Мы хлебнули свободы, и мы немного охмелѣли. Но не опьяненіе нужно намъ, а величайшая трезвость и дисциплина. Мы должны войти въ исторію такъ, чтобы на нашихъ могилахъ написали: они умерли, но никогда не были рабами!" (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Въ ночь съ 4-го на 5-е мая Временное Правительство реорганизовалось. „Заложникъ“ демократіи, министр-соціа-

листь А. Ф. Керенскій пересталъ быть единственнымъ звеномъ и спайкой въ кабинетѣ.

Составился коалиціонный кабинетъ, въ который вошли уже шесть социалистовъ.

Страница исторіи перевернулась. Въ концѣ перевернутой страницы исторіи написано: „4-го мая первый министр юстиціи въ свободной Россіи А. Ф. Керенскій, подписавшій декретъ объ отмѣнѣ смертной казни, сталъ военнымъ и морскимъ министромъ въ новомъ коалиціонномъ кабинетѣ“.

B.

1891

Цѣна 65 коп.

„НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ“.

Печатаются и выйдутъ въ непродолжитель-
номъ времени слѣдующ. брошюры и листки:

„Бабушка“ Брешко-Брешковская о самой себѣ.
Бабушка Е. К. Брешко-Брешковская и внуки. Л. В. Митяшева.
Какъ пала царская власть. И. Овсянкинъ.
Царь есть зло и выбирать его не слѣдуетъ. Священникъ
Михалевъ.
Государство и власть. В. Устиновъ.
Демократическое государство. В. Закрывовъ.
Что такое у насъ? М. Л. Булановъ.
Что требуютъ трудящіеся? М. Л. Булановъ.
Брешко-Брешковская и ея собранія. Е. К. Брешко-
Брешковская.
Государство и Устиновъ.
Единение и Закрывовъ.
Рабочіе и П. В. Панкратовъ.
Кому мы протягиваемъ руку? В. Панкратовъ.
Въ чемъ были ошибки трудового народа въ другихъ государ-
ствахъ? В. Панкратовъ.
Заживо погребенные (изъ воспоминаній шлиссельбуржца).
В. Панкратовъ.
Тяжба о землѣ. М. Михайловъ.

СКЛАДЪ ПРИ КОНТОРѢ
Изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ (Нива).
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1

9

2

8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

НОВОЕ И СТАРОЕ В „НОВОЙ ОППОЗИЦИИ“

Стр. 83.

Ц. 15 к.

КРАТКИЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ВКП(б.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

От народничества до периода ликвидаторства

Стр. 204.

Ц. 1 р. 15 к.

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В 1917 ГОДУ

(Истпарт и Агитпроп ЦК ВКП (б.) „Библиотечка Октября“.)

Стр. 107.

Ц. 35 к.

ЖИЗНЬ И РАБОТА В. И. ЛЕНИНА

23 апреля 1870—21 января 1924 г.

Изд. 5-е.

Стр. 358.

Обложка работы П. Соколова

Ц. 1 р. 20 к.

ЛЕНИН—ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК
ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Изд. 3-е.

Стр. 16.

(Ленинская библиотека)

Ц. 8 к.

ИСТОРИЯ ВКП(б.)

В ДВУХ ТОМАХ

Том первый

Выпуск первый

Составили Ем. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов и О. Римский

Под общей редакцией Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

Рекомендовано Гусом в качестве учебного пособия для вузов, комвузов
и совпартшкол

С приложением 46 таблиц

СОДЕРЖАНИЕ: Введение.—Эпоха революционного народничества (60—70-е гг.)—Рабочее движение народнического периода.—Фактическая история РСДРП от группы „Освобождение труда“ до I съезда партии (включительно).—Борьба за идейную и политическую гегемонию пролетариата в России.—„Экономизм“ и „Искра“. Формирование Российской социал-демократической партии.—Второй съезд партии.—Борьба с организационным оппортунизмом меньшевиков. У истоков троцкизма.—Приложение: Резолюция съезда меньшевиков в Женеве 1903 г.—Письмо Ю. О. Мартова П. Б. Аксельроду от 20 октября 1904 г.

Стр. 394, 46 таблиц.

Ц. 2 р. 25 к.